

ВЯЧЕСЛАВ СУРИКОВ

МИХАИЛ ТРОФИМОВ

ПЕРВЫЕ БОГИ

ПРОРОЧЕСТВА СВЕРШАТСЯ

Вячеслав Суриков

Первые боги

«Издательские решения»

2014

Суриков В.

Первые боги / В. Суриков — «Издательские решения», 2014

ISBN 978-5-4474-0009-5

Могущество дракона и неуязвимость в бою — таковы дары змеиных богов. Но что за них рано или поздно потребуется взамен? Великий аль-Хидр придет в Египет, чтобы исполнить древнее пророчество. Вера в первых богов будет восстановлена. В их дома вернется истинное служение. Разве этого недостаточно, чтобы вернуть себе свободу?

ISBN 978-5-4474-0009-5

© Суриков В., 2014
© Издательские решения, 2014

Содержание

Глава I. Нехебкау – податель жизни	6
Глава II. Акер – покровитель змей	16
Глава III. Гор – защитник побежденных	31
Глава IV—V. Амун и Амунет – дети солнца	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Первые боги
Вячеслав Суриков
Михаил Трофимов

© Вячеслав Суриков, 2016

© Михаил Трофимов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава I. Нехебкау – податель жизни

Абсолютная тишина непостижимым образом проникла внутрь и обволокла душу непроницаемой оболочкой. Плоское темно-синее небо сомкнулось с песками, прокаленными солнечными лучами, вспыхнуло красным заревом, и Мал устремился вперед, к пылающему горизонту. Но не успел он сделать и нескольких шагов как провалился в песок. Обездвиженный Мал опустился сначала по пояс, потом по грудь, еще глубже... Когда же пески сомкнулись над головой, неведомая сила стиснула Мала и вытолкнула из тяжелого сна на поверхность яви. Он открыл глаза и встретился взглядом с рыцарем Филиппом. Рядом в боевом облачении стояла Ари.

– Принц, пора ехать, – обратился к Малу паладин. – Капитан и Илин ждут вас в храме Святой Гертруды.

Мал поднялся с постели. Его тело почти полностью покрылось змеиной чешуей. Человеческая кожа сохранилась только на голове, на предплечьях и на ногах ниже колен. Чешуя словно бы заключила плоть в тесный панцирь с колючей изнанкой. Принц небрежно накинул платье, даже не пытаясь скрыть от посторонних глаз проступившие на теле признаки змеиной сущности. Вместе с Филиппом и Ари он вышел из комнаты. За дверью к ним присоединились Дан и Гор. Мал на мгновение задержал взгляд на лучнике. Тот успел облачиться в новые доспехи: тонко выделанную кольчугу с длинными рукавами и поблескивающий в лучах восходящего солнца стальной нагрудник.

Жители города Крак убирали трупы с городской площади, выискивая среди убитых родных и близких. Появление Мала заставило всех разом остановиться. На человека с зеленой чешуей обратились взгляды, полные восхищения и ненависти. Мал почувствовал, как одна из вспышек гнева высветилась особенно ярко. От толпы неподвижно стоящих людей резко отделилась худая женщина с седыми волосами и, неловко переставляя ноги, направилась к Малу. Но не успела она сделать и нескольких шагов, как ее схватили и оттащили обратно. Площадь огласил выкрик:

– Убийца!

Мал даже не оглянулся.

Их обогнали двое, несущие на льняном полотне мертвое тело. Филипп остановился, быстро произнес слова молитвы и осенил себя крестным знаменем. Мал невольно скользнул взглядом поверх скорбной ноши. В последний путь на руках неизвестных людей следовал голландец Верн – преданный слуга, накануне погибший в схватке с Оборотнем. Его одежда потемнела от еще не успевшей высохнуть крови, а на лице запечатлелась маска предсмертной муки. Мал ускорил шаг.

Пилигримы беспрепятственно проникли в храм Святой Гертруды. Филипп и Ари предпочли подождать у входа, а Мал, в сопровождении Дана и Гора, проследовал к той самой белокаменной арке, в глубине которой таинственным образом исчез Леопард. Там их ждали Капитан и Илин в длинных плащах. Оцеано был бледен и чем-то взволнован:

– Прощай, Мал. Мы возвращаемся на озеро Лин.

Принц ничего не сказал в ответ. У него по-прежнему не было желания что-либо говорить. Он безучастно смотрел на супругов, претерпевших вместе с ним все трудности многодневного похода. Но те, казалось, и не ждали от него слов благодарности. Капитан быстро повернулся к Илин и впился в нее взглядом. Русалка приоткрыла рот, и из ее горла вырвался резкий звук, схожий с криком морской птицы перед бурей. Капитан вздрогнул всем телом, и глаза его вспыхнули огнем. Дан и Гор закрыли уши руками и со стонами упали на колени. Илин продолжала исторгать из себя странные звуки. И без того небольшая зала храма святой Гертруды сузилась. Мал стоял, не шелохнувшись: жуткое пение не могло причинить ему

боль. Капитан не отрывал от Илин преданного взгляда. Его муки нисколько не задевали Мала: и если бы русалка прямо сейчас пронзила Капитана клинком, даже это не смогло бы поколебать нежданно обретенную принцем невозмутимость.

Наконец Илин смолкла. Она взяла за руку едва держащегося на ногах капитана и повела его к белокаменной арке. Черный проем ожил и превратился в темное чудовище, жаждущее поглотить храмовое пространство. Капитан закричал страшным голосом и шагнул в расступившуюся темноту. Илин последовала за ним, и они мгновенно исчезли в непроглядной бездне. Чудовище тут же сомкнуло челюсти, и арка превратилась в малозаметное сооружение, теряющееся на фоне алтаря, украшенного сияющими изображениями Христа и святой Гертруды.

В залу вошли Филипп и Ари. С ними были еще несколько выживших во вчерашней битве арабов. Филипп принялся читать утренние молитвы. Поначалу Мал пребывал в привычном состоянии холодного равнодушия. Но, вскоре, слова Святого писания стали вызывать у него раздражение. Каждый поклон и крестное знамение давались Малу ценой невероятных усилий. Он бросил взгляд на Филиппа и Ари и увидел на их лицах выражения сосредоточенного внимания и почтительного благоговения. В нем самом уже klokотал гнев. Лишь неотрывно глядя на Филиппа и Ари, Мал нашел в себе силы произносить слова молитвы и довести ритуал до конца.

С тех пор, как днем раньше принц впервые вошел в храм Рождения, все слишком изменилось, и, прежде всего, сам Мал. В одно мгновение он отдал себя во власть безжалостной силы. Вместе с обретенным могуществом в его сердце проникла безмерная отчужденность к окружающему миру. Душа покрылась ледяной оболочкой, непроницаемой для обычных человеческих чувств. На смену бьющей через край страсти пришло абсолютное спокойствие. Мал обрел способность различать тонкий покров чувств, обволакивающий человеческие тела и не позволяющий людям видеть мир таким, каким он был на самом деле. Он же словно бы взобрался на высокую башню, и мир, когда-то казавшийся ему прекрасным садом, теперь виделся ему выжженной пустошью, и никто из ее еще живых обитателей не мог спрятаться от всепроникающего взгляда нового обладателя неколебимого духа. Ему открылось ничтожество и беспомощность людей. Они явно не заслуживали снисхождения, они сами избрали свое предназначение – бесславную и мучительную смерть. Все, что его самого роднит с ними – звериная душа. И пусть она с яростью восстает против возвышенного могущества, снизошедшего на Мала по воле небес, ее сил слишком мало, чтобы остановить того, кто лишен сомнений.

За утренней трапезой Мал заговорил с Филиппом:

– Барон, во мне живет змей. И это дар судьбы, несущий смерть. Я желал избавиться от него, но не смог. Я все еще человек из плоти и крови, но чем дальше я иду, тем меньше человеческого во мне остается. Вы все еще верите в то, что я смогу войти в Священную обитель?

– Я по-прежнему верю в вас, – не задумываясь, ответил Филипп.

– Сегодня, во время утренней молитвы, змей пробудился во мне, и я едва совладал с ним.

– Принц, все, что происходит с вами, только усиливает мою веру. Вы идете по пути, предначертанному предсказанием святого Иллариона.

– Но змей – порождение дьявола, и у меня не осталось сил противостоять ему. Рано или поздно он одержит надо мной победу.

– Дьявол живет в каждом из нас, – вступила в разговор Ари. – Мы все в его плену.

Она пристально смотрела на Мала. Но в ее взгляде на этот раз не было ни капли презрения, наоборот, она, скорее, сочувствовала принцу. Черты ее лица смягчились, и Мал вдруг легко представил ее маленькой девочкой, выбежавшей на дорогу в ожидании возвращения отца. Принц увидел, как она доверчиво следит взглядом за извилистой лентой, уходящей за горизонт, в надежде, что вот-вот на ней появится знакомая фигура.

– Мал, – снова заговорил Филипп, – вы хотите изгнать дьявола из своей души, но это невозможно. Это не под силу даже святым подвижникам, всю жизнь предающимся аскезам.

Стоит человеку возомнить, что освободился от господства дьявола в своей душе, как он терпит поражение в схватке. Голос дьявола, сладок как мед, а человек не способен различить скрытого в нем яда лукавства. Люди слишком легко впадают в грех гордыни.

– Выходит, мы все обречены на поражение.

– Так говорят святые отцы. Но их горестные слова не должны никого повергать в уныние. Наше спасение в смирении перед коварством. Наш долг сражаться с дьяволом, чтобы не случилось. Такова Божья воля. Каждая молитва и благочестивое действие ослабляет темного ангела и приближает нас к Христу.

– Не счесть побежденных дьяволом, но в поединке с ним не бывает победителей, кроме Христа, – добавила Ари.

– Дьявол сеет рознь не только в душе каждого из нас, но и промеж христианами, – продолжал говорить Филипп. – Стоит христианским монархам сойтись вместе, как они начинают враждовать между собою. Однажды английский король задумал нападение на Дамьетту и попытался найти союзников, и не нашел их, потому что ему воспротивился герцог Хендрик и переманил на свою сторону всех остальных. В конце концов, нападение на Дамьетту так и не состоялось – англичане не решились идти на город в одиночку, опасаясь не столько сопротивления арабов, сколько предательства со стороны соплеменников. Раскол между христианами столь велик, что часто достигает грани, за которой остается лишь вступить в открытую схватку. Кто еще, кроме дьявола внушает нам ненависть друг к другу, когда неизреченные помыслы обращаются против нас же самих. Ненависть живет как внутри наших душ, так и промеж христианами.

Слова Филиппа заставили принца вспомнить трактат арабского святого Ибн Луки о противостоянии животной части души, сохранившей чистоту, и разумной части, отравленной Эблисом. Но не заблуждаются ли Филипп и Ари, уверовавшие во всемогущество дьявола? Ведь Мал мог неоднократно избавиться от змея, и всего лишь легкомысленно не воспользовался предоставленными ему шансами.

– Известно ли вам имя Ибн Луки? – спросил Мал Филиппа.

– Нет, – ответил Рыцарь.

– Хуфтор, не затруднит ли тебя еще раз рассказать про Ибн Луку? – окликнул Мал Проводника

– Расскажи нам эту историю со всеми подробностями так, чтобы она закончилась не раньше, чем мы остановимся на ночлег, – учтиво попросил Филипп.

– Разумеется, – отозвался Хуфтор.

Пилигримы покинули Крак, оставив после себя руины, щедро посыпанные пеплом. Из всего войска Филиппа выжило не больше сотни человек, и число раненных, не способных передвигаться верхом на лошадях, вдвое превосходило тех, кто еще мог держаться в седле. За конниками тянулась вереница повозок с ранеными солдатами. Они прикладывали к ранам куски мяса, а также делали себе и обессиленным товарищам медовые повязки. Лошадей было больше, чем наездников, но Мал предпочитал идти пешком, ведя за собой навьюченного тюками верблюда, – он все еще не мог смириться с потерей Леопарда.

В пальмовом лесу к отряду присоединились пятеро воинов вместе с двенадцатью захваченными перед штурмом пленниками. Пилигримам оставалось достичь сторожевого бастиона, где они могли спокойно дожидаться кораблей «Тифона», «Медею» и «Геракла», идущих от Люстшлессла к Краку по водному пути. Суда должны были доставить их к галарскому Мемфису.

Хуфтор всю дорогу неутомимо пересказывал историю Ибн Луки. К удивлению Мала, Ари живо реагировала на речи проводника. Отшельница из молчаливой, замкнутой в себе воительницы, неожиданно преобразилась во внимательную и отзывчивую собеседницу. Ее вопросы отличались точностью, а высказывания были просты и изящны. Рассказ про Ибн

Луку естественным образом перетек в беседу с Ари, которая, судя по лучшему взгляду Хуфтора, доставляла ему наслаждение. Проводник не смог сдержать любопытство и принялся расспрашивать рыжеволосую спутницу о том, как отшельница смогла приобрести столь глубокие познания в философии и логике, сколько книг ей пришлось для этого прочитать. Ари, как и подобает отшельнице, коротко отвечала ему: все, что она имеет, даровано по милости Господа.

– Клянусь Аллахом, – воскликнул Хуфтор, оказавшись рядом с Малом и Морквардом, – эта женщина являет собой кладезь мудрости. Ее слова отрезвляют ум подобно влаге из живительного источника. Этот дар достается только тем, кто способен надолго оградить слух, язык и глаза от всего, что может уязвить сердце. Воистину, счастливец – тот, кто сможет заставить Ари забыть о скорби по погибшему мужу. Она достойна любви лучшего из воинов.

– Так женись на ней сам, Хуфтор! – хохотнул Морквард.

– Это невозможно, – помрачнел Хуфтор, – для этого мне придется, по меньшей мере, разлучиться с самим собой.

На Мала внезапно нахлынула волна гнева:

– Для меня любая дорога не имеет смысла, если рядом со мной нет моей Маргариты. Хуфтор – вот кто виноват более всех в том, что случилось. Как он мог не знать про подземный ход под городскими стенами? Это он вынудил меня молить о помощи Лесного воина! А Паладин? Он с самого начала был против Маргариты, и теперь ему не о чем сожалеть. Филипп лишь избавился от очередного препятствия на пути к Священной обители. Ари с ним заодно. Кто еще может быть более безразличен к чьей-либо смерти?! И ей нет дела до того, что цена всему – моя Маргарита, моя маленькая Маргарита! Проклятый Морквард – ты похитил ее и навсегда разрушил мою жизнь!

Едва сдерживая себя, Мал поскакал вперед, чтобы не слышать человеческих голосов.

Обратный путь из Крака давался с трудом, и отряд не успел достигнуть бастиона до наступления темноты. Филипп приказал расположиться на ночлег рядом с лесными зарослями. Солдаты до сих пор пребывали в мрачном настроении. Чтобы приободрить их, паладин пообещал устроить по прибытию кораблей пиршество и раздать жалованье. Но ему не удалось развеять печаль, охватившую сердца воинов, разрушивших Крак – ни одного радостного возгласа не раздалось в ответ. И только Хуфтор был по-прежнему словоохотлив. За ужином он рассуждал о том, какое горе постигло лошадей, утративших в бою наездников. По его словам выходило, что лошадиная печаль сейчас так сильна, что распространяется и на людей:

– Для лошади нет страшнее разлуки, чем разлука с хозяином. Пока они живы, сердца человека и скакуна слиты воедино. Когда кто-либо из них погибает, связующие их нити рвутся, и душевные раны оставшихся в живых еще долго кровоточат. Если человек способен примириться с болью утраты, то лошадь жаждет только одного: последовать за хозяином, чтобы вновь соединиться с ним.

Сын ночи, с заходом солнца обратившийся в человека, заливаясь слезами, пал перед Хуфтором на колени:

– Прости меня, хозяин: ведь это я украл твою кобылу. Я, как только узрел тебя в деревне сородичей, так и помыслить больше не мог другого наездника. Ревность зажглась в моем сердце, я похитил твою кобылу и отвел ее туда, где о ней могли позаботиться. Вот увидишь, хозяин, она ждет тебя, твоя кобыла цела и невредима. Мы вернемся к ней, и ты обретешь свое потерянное сердце. А меня можешь бросить! Я не достоин твоей любви и заботы...

Хуфтор, не сказав ни слова, погладил Сына ночи по черной шевелюре и потрепал его по плечу.

Всю ночь Мал провел у костра. Дан тоже не спал. Он подкладывал дров в огонь до тех пор, пока Мал не отправил его отдыхать. Принц прислушивался к самому себе и к тому, что происходит вокруг. Тяжелые предчувствия не давали ему покоя. К утру он ощутил сильный

голод. Во время утренней трапезы Мал ни в чем себе не отказывал: он ел мясо большими кусками, почти не пережевывая. Такой аппетит привел в удивление даже Моркварда:

– Мал, побереги кишки, ты ешь за пятерых.

– Я голоден, – ответил Мал, подражая Леопарду в ясности и краткости высказывания.

Помимо многочисленных кусков говядины, он поместил внутрь себя гуся и поросенка, сдобрив их овощами и фруктами.

Перед тем, как тронуться в путь, Хуфтор предупредил Мала:

– Я оставлю вас у города Айя.

– Я благодарен тебе, – сдержанно проговорил Мал. – Ты – хороший проводник и храбрый воин.

Он хотел добавить что-нибудь еще, но не мог найти нужных слов.

Утреннюю тишину разорвало дикое лошадиное ржание. Мал оглянулся: Сын ночи с налитыми кровью глазами бешено метался взад-вперед.

– Что с тобой? – прокричал Хуфтор и бросился успокаивать жеребца.

Сын ночи, завидев Хуфтора, во весь опор помчался по дороге в сторону Крака. Жеребец сшиб с ног двух человек. Он скакал, не обращая внимания на призывы поспешившего за ним хозяина.

В следующее мгновение Мал увидел, как из лесных зарослей показался неизвестный с коротким копьём в руке. Он с силой метнул смертельный снаряд туда, где стоял Филипп, и не промахнулся: острый наконечник легко разорвал кольчугу Паладина, и глубоко вонзился в тело. Тотчас из зарослей высыпали другие вражеские солдаты. Они стремительно атаковали лагерь пилигримов. Филипп, все еще держащийся в седле, беззвучно, одними губами произнес приказ:

– Сомкнуть ряды.

Конь под ним взвился и понесся вперед. Окруженные воины еще успели исполнить последний приказ паладина, но противник разорвал строй первым решительным натиском.

– Вперед! – прокричал Морквард и ринулся в гущу неприятеля.

Лошадь под ним тут же споткнулась и пала сраженная копьём. Началась неравная схватка.

Дан встал между принцем и потоком вражеских стрел. Его самого прикрывал только стальной нагрудник. Стрелы быстро нашли незащищенные места на теле Дана, и он упал замертво.

– Зачем? Ведь я же неуязвим.

Мал остался стоять неподвижно даже тогда, когда легли все, кто стоял рядом. Припал на одно колено и Гор – стрела вонзилась ему в руку. Пехота противника замедлила шаг, и вперед вышли тяжеловооруженные всадники. Они сжимали кольцо вокруг пилигримов, и теперь Мал видел, что это англичане. Ари в сопровождении арабов-телохранителей бросилась на прорыв. Их перехватили и стащили с лошадей. Ари отбилась и снова вскочила на лошадь. Но ей не дали уйти. Преследователи смогли подрубить кобыле под Ари задние ноги. Животное с диким ржанием тяжело рухнуло на землю, и всем телом придавило наездницу.

Неожиданно пробудившийся страх заставил Мала схватиться за рукоять меча Рамзеса, но он так и не обнажил его. Ему не хотелось драться. Мал все потерял и желал только одного – отомстить змею:

– И что же теперь ты будешь делать мой Серебряный брат? Хочешь жить – спасайся сам.

– Сдавайтесь! – раздавшийся позади грубый властный окрик остановил атаку англичан.

Мал оглянулся, – на него смотрел всадник, с ног до головы закованный в латы. Его лицо было закрыто забралом, но принц узнал короля Франции Пепина. Взгляд его холодных серых глаз был исполнен презрения.

– Бросайте оружие, – приказал Мал выжившим.

Воины молча повиновались. Только Морквард и не думал прекращать битву. Он отчаянно прорубал себе дорогу к королю Пепину, и англичане падали, сраженные его оружием. одному из них удалось отразить страшный удар секиры мечом, и тот сломался у основания.

– Сдавайся, Морквард! Я приказываю тебе, – прокричал Мал.

– Я не сдамся, Мал, я не сдамся, – отвечал ему Морквард, не прекращая вращать секирой и сея смерть вокруг себя.

– Брось оружие, Морквард, и я пощажу тебя, – велел монголу король Пепин.

– Никто не смеет мне приказывать! Я свободный человек! – отвечал Морквард, без устали сокрушая вражеские копья и мечи.

– Ты хочешь умереть?! Так умри! – не выдержал Пепин. – Убейте его!

В ответ на приказ Пепина к Моркварду подступили копейщики, окружили его тесным кольцом и одновременно сдвинули копья. Трех из них удалось пронзить его тело насквозь. Смертельно раненый Морквард застыл на месте. На его губах выступила кровь. Англичане держали копья и ждали, что будет дальше. Морквард качнулся, обвел ничуть незамутненным взглядом своих убийц, и в следующее мгновение одним движением перерубил древка удерживающих его копий. Как ни в чем не бывало, он двинулся к Пепину. Оторопевшие англичане в ужасе отступили. Когда до Пепина остался один взмах секиры, монгола настиг еще один удар копья в спину. Морквард сжал свое оружие, но так и не нашел сил совершить то, ради чего он только что преодолел смерть. Одним взмахом ножа с широким лезвием подскочивший со спины англичанин отделил монголу голову от израненного тела. Это был тот самый ловкач, спасшийся от удара секиры ценой сломанного меча. Пришедшие в себя копейщики бросились к обезглавленному воину и стали топтать его ногами. Пепин жестом остановил их и указал на Ари. Вместе с преданными ей людьми она была привязана к одной из повозок.

– Убить собаку!

Разъяренные англичане набросились на пленников и превратили их тела в кровавое месиво.

К ногам Пепина подтащили израненного рыцаря Филиппа. Обломок копья все еще торчал из его груди. Солдаты плеснули воды в лицо паладину, и он открыл глаза.

– Вы – изменник, барон-де Монфор. Вы предали не только государя, но и христианскую церковь. Цена этому вероломству – ваша жизнь.

– Я никогда не предавал Бога – прохрипел Филипп, – всегда избирал служение Господу нашему Иисусу Христу.

Пепин махнул рукой и бьющегося в агонии Филиппа отбросили в сторону.

– Разоружить! – Пепин указал на Мала.

Их взгляды встретились. Мал не шелохнулся. Он позволил снять с себя меч Рамзеса. Пепин взял протянутый служителем клинок, вынул из ножен и внимательно осмотрел его.

– Не вижу ничего необычного, – сказал король, обращаясь к всаднику с островерхим шлемом в зеленом плаще.

Мал ожидал, что меч Рамзеса изменит форму, но этого не произошло. Всадник что-то шепнул королю и перевел взгляд на Мала, и того тотчас охватил уже изведанный им страх. Тело превратилось в кусок льда. Всадник в зеленом плаще взглядом пил из него жизненные соки, пока у Мала не подкосились ноги. Когда он, обессиленный, упал на колени, Пепин разразился хохотом. Отсмеявшись, он откинул забрало и сказал всаднику:

– Передай своему господину, что я больше не нуждаюсь в его услугах. Эй, Тернбулл, подойди сюда.

На призыв Пепина откликнулся толстощекий самодовольный англичанин. Мал узнал в нем убийцу Моркварда.

– Возвращайся к лорду Незерби и передай ему благодарность за оказанную помощь. Я никогда не забываю добро. Предупреди лорда о нашем приезде – мы едем вслед за тобой.

И возьми клинок в награду за усердие, – Пепин протянул ему меч Рамзеса. Кивнув в сторону всадника в зеленом плаще, он добавил – Наш осмотнительный друг утверждает, что этот меч приносит удачу в бою.

Тернбулл поклонился Пепину и принял меч Рамзеса. Он пристегнул его к поясу вместо того, что был сломан Морквардом, и отдал приказ англичанам следовать за ним.

Когда подданные лорда Незерби скрылись из вида, Пепин закричал на всадника:

– Почему никто из вас не мог убить его?! Неужели это так трудно?

Всадник в зеленом плаще опять вперил взгляд в Мала, и того затрясло от страха. К Королю Франции вернулось хорошее настроение:

– Так-то лучше! – разулыбался Пепин.

Обездвиженного Мала бросили в повозку и даже не стали связывать. Последнее, что запечатлел его меркнувший взгляд: тело Хуфтора, лежащего с разбитой головой в кровавой луже на обочине дороги.

Проводник мертв, а Мал стоит в просторной зале. На нем – чистая одежда, а на поясе – меч Рамзеса. Рядом, подобно тени – темно-зеленый змей. Его чешуя поблескивает серебряным светом. Мал выхватывает меч и атакует змея. Клинок касается шеи чудовища. Змей рассыпается в прах и вновь появляется перед глазами.

– Я убью тебя! – кричит Мал, обхватывает змеиную шею руками и яростно сдавливает ее.

Змей неподвижен – Мал бессилен что-либо сделать. Он наносит один удар за другим, он впивается в змеиное тело зубами, но все усилия нанести урон змею – тщетны. Мал кричит, колотит змея что есть силы, но его руки словно бы утопают в пустоте. Змей ускользает. И лишь встретившись с ним взглядом, Мал останавливается. Похоже, что змей сострадает Малу:

– Близкие тебе люди убиты, – слышит Мал змеиный голос, – а я бы мог защитить их.

И принцу ничего не остается, как задать самому себе вопрос:

– Кто же из нас более жесток?

Ослепительное солнце. Небо без единого облачка. Мал лежит на спине, не в силах сдвинуться с места. Его все еще везли в повозке, и только чистое небо было доступно его взору.

– Он открыл глаза, сир, – эти слова принадлежали человеку, скачущему где-то поблизости.

Вскоре на лицо Мала легла тень короля Пепина.

– Я слышал, что ты продал душу дьяволу? Ты не можешь говорить, но мне и не требуется твоих слов. Достаточно взглянуть на тебя и увидеть, в какую мерзкую тварь ты превратился! Теперь смерть – самое большее, чего ты достоин. Ты будешь долго умирать и успеешь много раз пожалеть о том, что сотворил с моею дочерью. Мы тебя завялим как выпотрошенную форель. А когда твоя душа, наконец, отправится в ад, мы доставим твою голову ко двору короля Гербранда, – на этих словах Пепин прекратил разговор, подхлестнул коня и отъехал в сторону.

За все следующие несколько дней пути он больше ни разу не заговорил с Малом и даже не приблизился к нему. Зато всадник в зеленом плаще не отходил на него ни на шаг. Иногда он вливал Малу в рот безвкусную красную жидкость, после чего принц погружался в сон.

В очередной раз Мал очнулся, когда его подвешивали над темными водами неизвестного озера. Люди короля Пепина привязали его веревками к деревянной балке, закрепленной на стене приозерной каменной башни. Стоило им чуть отплыть, как прогнившие веревки разорвались, и Мал свалился в воду. Его торопливо выловили сетью, затащили обратно и на этот раз привязали цепями.

Принц не испытывал ни боли, ни гнева. Он равнодушно наблюдал за действиями палачей:

– Я ли это? Или это змей смотрит на мир моими глазами?

Мал приготовился принять смерть и прочитал молитву:

– Скоро, совсем скоро я увижу тебя, моя Маргарита.

Он ожидал, что ему придется претерпевать голод и холод, но все обошлось. Мал висел безо всякого напряжения и не испытывал никаких неудобств:

– Может быть, я и не заметил, как умер.

Он без особого труда пошевелил пальцами на руках и убедился в том, что все еще жив. С наступлением ночи принц закрыл глаза и погрузился в сон без сновидений.

На рассвете он проснулся от шума ударов весел о воду. К нему плыли две лодки. Они остановились на некотором расстоянии от башни. В одной из лодок лежали два мешка, в другой – длинные копья. Лодочники, не сговариваясь друг с другом, принялись за работу: одни расставляли копья полукругом, другие доставали из мешков отрубленные головы и с отвращением насаживали их на наконечники. Всмотревшись, Мал узнал головы тех, кто сопровождал его в походе на Крак. Сбылось пророчество рыцаря из храма святой Гертруды: «Погибнут все».

Как только головы из мешков иссякли, лодочники направились к берегу и вскоре скрылись из виду. Мал остался неподвижен. Он по-прежнему не чувствовал ни голода, ни холода.

На следующий день к нему подплыла большая лодка с навесом. Она передвигалась по воде с помощью четырех гребцов и везла сразу нескольких рыцарей. Лодка остановилась на расстоянии дюжины шагов от башни. Рыцари с любопытством разглядывали Мала словно бы какое-то диковинное существо и негромко переговаривались друг с другом, пока один из них не приказал гребцам возвращаться к берегу.

Прикованный к башне Мал вспоминал прожитую им жизнь и прощался с ней. Когда его воспоминания достигли распятия над озером, к Малу пришло странное состояние покоя, в котором смешались сон и явь. Мир был ему безразличен. Мал избавился от зрения и слуха. Тело и ум стали неподвижны. Время остановилось.

В один из дней он снова очнулся и увидел самого себя со стороны. На его теле, прикованном цепями, сквозь кожу можно было легко рассмотреть кости и хрящи, как будто бы они и не были никогда облачены плотью. Лицо удлинилось и осунулось, губы высохли. Но более всего Мала поразил мертвенно-бледный цвет лица:

– Неужели это я?! Я сплю или умер?

Иссохшее тело, подвешенное над озером, казалось ему чужим:

– Стало быть, я умер, и змей во мне тоже. И где же тогда ангелы или демоны, жаждущие похитить мою душу? Я хочу, чтобы они отвели меня к моей Маргарите!

Но никто из бесплотных существ так и не откликнулся на его зов.

Осматривая свое тело с разных сторон, Мал заметил, что каждое движение дается ему все с большим трудом:

– Почему? Ведь теперь я – всего лишь призрак!

Мал обратил взгляд уже на себя самого. Его призрачное тело было покрыто змеиной кожей подобно человеческому:

– Неужели я так и не освободился от змея? – задался вопросом Мал.

Ответ пришел сам собой: змей слит с его душой, и даже после смерти он не собирается оставлять Мала в покое.

На следующее утро на озере появилась лодка. Гребцы остановились у подножия башни и всмотрелись в распятого. Мал в призрачном теле с трудом приблизился к ним и прислушался к разговору:

– Кажись, издох, – сказал первый.

– А я бы дал деру отсюда, – сказал второй.

– Надо подобраться поближе, – возражал первый.

– Плыви к нему без меня. Воняет от него – мочи нет!

– Что хвост поджал, шелудивый пес!

– Набей мне карманы золотом, я все равно к нему больше не подойду. Мне хватило прошлого раза – до сих пор мерещатся гадюки.

- А что мы скажем нашему господину?
- Скажем, что он умирает, но еще не умер.
- Да он уже третью неделю здесь висит!
- Тише! Говорю тебе, это – дьявол. На него даже и мухи не садятся...

Мух и в самом деле не было. Мал подлетел к своему телу и прикоснулся к нему. Пальцы прошли сквозь висящую на башне плоть.

– Я не умер. Неужели мне так и придется ждать, пока мои останки окончательно не иссохнут? – с тоской подумал Мал, и вдруг ощутил пульсацию жизни. – Может быть, сила змея заставляет томиться мой дух в этом брэнном теле?

Двое гребцов к тому времени перестали спорить и ударили веслами по воде, направляясь к берегу. Мал полетел вслед за ними. Призрачное тело по-прежнему было тяжелым и неповоротливым – передвигаться приходилось с невероятным трудом. На полпути Мал остановился. Дальше его словно бы не пускала какая-то нить. Мал обернулся, и в самом деле, из его головы выходила нить и соединяла призрачное тело с плотью. Мал нащупал нить и попытался ее оборвать. Произошло нечто неожиданное: вместо того, чтобы рассоединиться со своим двойником, Мал устремился к нему что было сил. Помимо своей воли он врезался в собственное тело и тут же ощутил дикую головную боль. В уши ворвался звук бьющихся друг о друга птичьих крыльев, и Мал провалился в темноту. Вынырнуть из нее заставили странные звуки, и обрывки таких же странных и непонятных слов:

– Нех-пе-хеб-ре-ра-уу, Не-хе-хеб-ка-уу, Нехебкау.

Мал открыл глаза и увидел перед собой человека с зеленой кожей и зелеными глазами. Он стоял на поверхности воды и пристально смотрел на него.

– НЕХЕБКАУ, – всплыло в голове Мала, и глаза зеленого человека заблестели от радости.

– Должно быть, это ангел божий прилетел за моей душой, – подумал Мал, – вот только почему он зеленого цвета?

– Нехебкау, – сами собой прошептали губы.

Зеленый человек немедленно откликнулся:

– Ты в беде, брат. Я пришел помочь тебе, – произнес он нежным голосом и склонил голову в знак приветствия.

И тогда Мал все понял: зеленый человек пришел не ради него, он пришел ради змея. Он хотел спасти того, кого принц так хотел умертвить.

– Отойди от меня, – прошептал Мал.

Он вложил в свои слова все остатки сил, и все же его голос прозвучал еле слышно. Но и этого было достаточно, чтобы остановить Нехебкау. Мал не желал, чтобы его освободили, и никто из тех, кто был подобен Анубису и Тоту, не мог лишить его права решать свою судьбу.

Нехебкау остался стоять рядом, не собираясь ничего предпринимать. Мал знал, что тот ничего не сделает. Он был доволен тем, что смог совладать со змеем. Теперь, если Нехебкау заговорит со змеем, Мал будет знать, о чем они говорят. Впрочем, также и змей станет свидетелем всех слов, которые еще придется сказать Малу.

Ранним утром к башне, преодолевая нависший над озером туман, подплыла большая лодка с навесом. Помимо четырех гребцов на ней, как и в прошлый раз, находились три рыцаря. Они принялись рассматривать Мала, не обращая никакого внимания на Нехебкау.

– Он еще жив? – спросил высокий человек в одежде из бархата и парчи.

Похоже, что Мал видел его не впервые, но только в этот раз он поймал его хищный взгляд. Несомненно, это был тот самый лорд Незерби.

– Это невозможно, милорд. Прошло слишком много времени, – сказал один из спутников Незерби.

– Прикажете, милорд, и я отправлю его к дьяволу, – сказал второй рыцарь и потянулся за мечом.

Из его ножен торчала рукоять меча Рамзеса – это был убийца Моркварда.

– Сделай это побыстрее, Тернбулл, – обронил лорд Незерби.

В голове Мала промелькнула мысль:

– Удар в сердце собственным мечом?! Это и есть уготованная мне смерть?

Тернбулл вынул меч Рамзеса из ножен и не удержал его: клинок выскользнул из рук и упал в воду.

– Растяпа, – недовольно воскликнул лорд Незерби.

– Если бы этот меч был сейчас в моих руках! – подумал Мал.

Нехебкау, все это время не отходивший от Мала ни на шаг, немедленно прикоснулся к цепям, и они мгновенно распались как веревки, сожженные пламенем. Мал сорвался в воду и упал на дно. С каждым движением он чувствовал, как его гибкое тело наливается силой. Мал выдернул меч из илистого дна и поплыл наверх. На него накатила волна радостного возбуждения – тело и дух окончательно пробудились. Мал вынырнул на поверхность воды, вдохнул полной грудью и с необыкновенной легкостью заскочил на лодку лорда Незерби.

Гребцы замерли от ужаса. Мал отрубил голову одному из них. Остальные трое тут же пришли в себя и прыгнули в воду. Рыцари, сопровождающие лорда Незерби, выступили вперед. Мал увидел их страх и понял, что скоро они будут мертвы. Тернбулл остался с коротким кинжалом, и его напарник напал первым. Меч Рамзеса обратился в короткий клинок с широким лезвием. Мал отсек нападающему кисть руки. Рыцарь закричал от боли, отступил назад, и его кровь брызнула на платье лорда Незерби. Тот безжалостно добил раненого одним ударом меча. Следом на Мала бросился Тернбулл. Принц отбил удар его кинжала, и снес рыцарю голову с плеч. Грузное тело свалилось в воду и перевернуло лодку. Уже в воде Мал схватился с самим лордом Незерби. Меч Рамзеса вошел в грудь вельможи по самую рукоять. Мал нырнул в воду, снял с обезглавленного Тернбулла ножны и вложил в них меч Рамзеса.

На водную гладь сошел Нехебкау и пошел к берегу. Мал поплыл вслед за ним. Зеленый человек необъяснимо манил за собой. Тело стало гибким и подвижным. Оно без труда скользило по воде. Мал не удержался от неожиданно возникшего соблазна и принялся с наслаждением нырять и плескаться.

По мере приближения к берегу Мал стал испытывать волнение. Теперь он хотел жить. И чем больше усиливалось это желание, тем больше росло недоверие к тому существу, что спасло его.

– Почему ты решил освободить меня? – спросил Мал.

– Я действовал не по своей воле, человек, – ответил Нехебкау, – а теперь я должен оставить тебя.

Зеленоглазый спаситель Мала развернулся обратно и вскоре скрылся в тумане. Принц огляделся. Ему нечем было прикрыть свою наготу. Впереди возвышался лес. Малу хотелось утолить голод, и он не мог больше ни о чем думать. С его приближением птицы принимались тревожно щебетать и порхать с ветки на ветку. Мал находил их гнезда, и лакомился птичьими яйцами. Насытившись, он стал пробираться сквозь заросли, пока не вышел на залитую солнцем поляну. Здесь он лег под деревом и положил меч под голову. Согрешившись солнечными лучами, опьяненный ароматом цветов Мал почувствовал блаженную слабость и заснул.

Глава II. Акер – покровитель змей

Солнечные лучи нежно прикасались к змеиной коже, окуная серебристые чешуйки в золотистое облако. Едва слышный шелест трав и листьев вливался в раковины ушей, внушая покой и безмятежность. Поток воздуха, нисходящий откуда-то сверху, проникал внутрь и напитывал тело небесным теплом. Мал открыл глаза. Сон не избавил его от душевных мук, но он больше не мог оставаться без движения. Сила, накопившаяся за время сна, заставила его встать и пойти, но куда? Мал по-прежнему не желал никого ни слышать, ни видеть, и направление пути для него не имело никакого значения. На том берегу ждала неминуемая смерть – вот туда-то ему и следует отправиться:

– Переплыву озеро и для начала раздобуду одежду, а если меня убьют, то так тому и быть! Пусть змей думает, как ему спастись.

Мал оглядел местность, припоминая, откуда он вышел на эту поляну, и, к своему удивлению, так и не смог вспомнить. Со всех сторон его окружал лес без особых примет, и Мал решил пробираться к озеру наугад. Очень скоро он понял, что идет не туда. Чем дальше он шел, тем меньше его путь через лес напоминал дорогу к озеру. Деревья росли все гуще, не оставляя никаких надежд на близость воды. Мал был вынужден вернуться на поляну и отправиться на поиски нового пути. На этот раз он направился в противоположную сторону, и через некоторое время убедился, что здесь лес сгущается и превращается в чащу еще быстрее. Мал вновь повернул назад. Еще несколько попыток заставили его убедиться в том, что дорога к озеру не просто без следов стерлась из памяти. Она загадочным образом исчезла в лесных дебрях.

Мал лег на землю и прикрыл глаза:

– Как хочется заснуть и забыть не только то, как здесь оказался, но и все остальное, как будто ничего не было, как будто никого не знал и не любил до сих пор...

Вдруг кто-то словно бы коснулся его легким дыханием. Мал открыл глаза, приподнял голову и осмотрелся – ни одной живой души, ни одного колыхания невероятно прозрачного воздуха. Мал решил предпринять еще одну попытку пройти сквозь лес, но на этот раз не останавливаться и не возвращаться, пока не выйдет к озеру или к какому-нибудь поселению.

Мал, не оглядываясь, шел по лесу, залитому солнцем. Он проникался спокойствием, исходящим от могучих стволов деревьев, наслаждался сладкозвучным пением птиц и все больше чувствовал присутствие еще кого-то рядом. Кто это? Зверь, крадущийся за ним следом и выжидающий удобного случая, чтобы напасть, но Мал не чувствовал звериного запаха. Зато он слышал странные звуки, напоминающие бульканье пузырьков воздуха, всплывающих на поверхности воды. Может быть, Лесной воин вздумал вернуться из мира мертвых? Но лес оставался цел и невредим, а Мал не чувствовал предшествующего встрече с Лесным воином тягучего холода, всплывающего из глубины души. Существо следовало за Малом по пятам, пробуждая в нем лишь любопытство. К концу дня булькающие звуки участились, и Малу показалось, что его незримый спутник пытается заговорить с ним. Но ему уже не хотелось разгадывать слова невидимки. Мал нарвал листьев, завернулся в них как гусеница и уснул.

Утром принц продолжил путь, все еще надеясь выйти к озеру. Вскоре он оказался возле ручья. Мал утолил жажду, умылся и отправился дальше. Он шел, внимательно прислушиваясь к булькающим звукам, и они вывели его к кустам, усеянным большими сочными ягодами. Стоило Малу съесть несколько плодов, как он вновь услышал булькающие звуки и резко обернулся. На мгновение показалась светлая фигура, напоминающая человеческую, и растворилась в воздухе прямо на глазах. Мал знал, что само существо никуда не исчезло. Он встал на то место, где только что находился невидимка, и почувствовал, что к нему кто-то прикасается. Мал еще раз обернулся и опять услышал булькающие звуки, но на этот раз он мог разобрать в них обрывки слов на человеческом языке. Мал понял, что его куда-то зовут. Он прислушался,

но так и не смог различить, что именно ему говорят. Мал вновь принял ни на что не похожие звуки за сигналы, ведущие за собой.

Чем дальше он шел, тем выше становилась трава. К полудню Мал достиг места, где трава росла уже выше головы. Она была необыкновенно мягкой, и Мал словно бы скользил по ней и одновременно сквозь нее. Трава – не единственное из того, что показалось ему незнакомым и непохожим на то, что приходилось видеть раньше. В этом лесу так же, как и во всех остальных, росли деревья, птицы свивали гнезда между ветвей, земля была покрыта травой, между зелеными стеблями бегали мелкие зверьки, но каждый из них был необычен – все странно выглядели и странно себя вели. Мал пробирался по лесу, ведомый булькающими звуками, в ожидании, что ему наконец явится тот, кто их издает. Но существо, ведущее Мала сквозь лес, по-прежнему оставалось невидимым. Вечером ощущение близости еще кого-то рядом усилилось, но Мал не беспокоился:

– Даже если это зверь, желающий вкусить мясо чужака, пусть змей позаботится о самом себе и обо мне заодно.

Посреди ночи он проснулся. В нос ударил чужой запах. В темноте вспыхнули огромные глаза. Мал сжался и отскочил в сторону. Змеиная ловкость позволила ему опередить зверя, а змеиная сила позволила Малу схватить оставшееся ни с чем животное за пушистый хвост и отбросить далеко в заросли. Ему даже не пришло в голову обнажить меч. Хвостатая зверюга огласила ночной лес криком ужаса. Всмотревшись, Мал разглядел глаза других обитателей леса, внимательно наблюдающих за действиями чужака. Это убедило принца в том, что лес живет по привычным для него законам и успокоился, несколько не опасаясь новых нападений.

Утром Мал продолжил путешествие по лесу. Если бы он шел в верном направлении, то должен был давно обойти и озеро, и замок Незерби. Но принц не сожалел ни о чем, он никуда не спешил, у него не было никакой цели. Нежданно он обрел покой, подобный тому, которым обладал его внутренний змей. Иногда Малу мерещилась светлая фигура, издающая булькающие звуки, напоминающие человеческую речь, и Мал бездумно следовал за ней. У него было все, что нужно для поддержания жизни: кров из листьев с бархатистым покровом, и пища – лес все более щедро одаривал его сладкими ягодами и маслянистыми тонкокожими орехами. Принц был в безопасности – на его страже стоял могущественный змей. Рано или поздно он выйдет отсюда – Мал в этом не сомневался. Когда это произойдет, не имело значения – Мал готов был умереть здесь, в любой момент. Вот только источник жизни, бьющий из его души, был неиссякаем. Принц ел и пил лишь для того, чтобы избавиться от голода и жажды, он заворачивался в листья, чтобы тело не страдало от холода, а когда исчезал солнечный свет, и наступала ночь, он засыпал, следуя издавна заложенному ритму.

– Я пытаюсь выбраться из леса так же, как и когда-то Лесной воин, – подумал Мал. – Но я вовсе не желаю найти выход, тогда как призрак страстно желал вырваться за пределы леса, уже тогда он пожирал пространство вокруг себя, а я всего лишь вкушаю плоды, дарованные лесом, не причиняя никому вреда.

Иногда его настигала тоска. Она пробуждалась где-то глубоко внутри, как память об ужасе невыносимой боли, однажды оставившей в душе неизгладимый след. Чтобы избавиться от нее, Мал прислушивался к булькающим звукам, сосредотачивался на них и шел вслед за невидимкой. Деревья росли все ближе и ближе друг к другу, их стволы переплетались между собой и образовывали почти сплошную стену, Мал с трудом находил между ними проход. Голос невидимки доносился из-за спутавшихся стволов и звал за собой. Солнечный свет едва пробивался сквозь могучие ветви и плотную крону, нависшие над головой. Земля под ногами обратилась в пологий склон, предшествующий низине.

– Тот, кто живет там – не человек, – думал Мал, не сомневаясь в своих предчувствиях.

Все, что ему требовалось: добыть одежду и разузнать, где он находится, а от кого придет помощь, не имело значения, так что причин останавливаться не было. Не было причин и искать

выход отсюда – лес давал ему все, что нужно. И все же что-то влекло его вперед, чему Мал не находил объяснения, и продолжал пробираться сквозь деревья.

Наконец, земля, до сих пор уходящая под уклон, перешла в ровную плоскость, и Мал оказался в огромном коридоре, потолок и стены которого складывались из причудливых хитросплетений живых древесных стволов. Перед ним неожиданно возник человек в набедренной повязке из зеленой ткани, обшитой золотыми нитями.

– Господин, вы видите меня? – спросил он.

Мал удивился вопросу и посмотрел незнакомцу в глаза:

– Вижу.

Человек внимательно смотрел на него странным взглядом и улыбался. Затем, не говоря ни слова, он развернулся и пошел по зеленому коридору, пронизанному солнечным теплом и светом. Мал последовал за ним. Вскоре они оказались среди цветущих садов, соединенных между собой арочными аллеями. Незнакомец завел Мала в одну из них и остановился, чтобы пропустить принца вперед:

– Дальше идите прямо, господин.

Мал смутился своего обнаженного тела:

– Если здесь живут люди, может быть, здесь найдется подходящая для меня одежда?

– Найдется, мой господин! – незнакомец почтительно склонился перед ним и жестом указал путь.

Мал привык слышать обращение «мой господин» из уст Верна – преданного слуги, погибшего в Краке. Омраченный внезапно накатившими воспоминаниями, он вошел в густую траву, выросшую выше человеческого роста. Трава мягко прикасалась к телу и орошала кожу каплями росы. Когда за травой показался сад, Мал почувствовал, его тело и дух омыты начисто. Теперь ему дышалось легко и свободно.

Ветви фруктовых деревьев в саду клонились вниз под тяжестью плодов. Мал срывал сочные и сладкие яблоки, груши, персики и с наслаждением поглощал их. Он чувствовал себя так, как будто оказался в садах Эдема, откуда были изгнаны Адам и Ева:

– Вот место, где человек ни в чем не нуждается, – подумал Мал, и понял, что уподобился Моркварду, вечно отягощенному плотскими желаниями. Мысли об еще одном соратнике в погоне за Маргаритой разозлили Мала: как же хорошо ему было до тех пор, пока он не встретил незнакомца и стал терзаться воспоминаниями о погибших товарищах.

Мал почувствовал, что к нему кто-то приближается. Он услышал шум шагов по лесной траве, обернулся и никого не увидел. И все же кто-то наблюдал за ним, не желая показываться на глаза. Когда Мал подходил к дереву, где мог находиться неизвестный, тот незаметно перебежал в другое место.

– Пусть наблюдает, – безразлично подумал Мал, нисколько не сомневаясь в своей безопасности.

На краю сада Мал заметил дерево с листвой темно-зеленого цвета. Он подошел ближе и разглядел висящее на одной из ветвей зеленое одеяние. Принц стянул его с дерева и набросил на себя. За ним не переставал кто-то наблюдать. Мал еще не успел застегнуть платье, как из-за дерева показалась маленькая девочка лет семи в белом платьице с красными кружевами. Дитя держало указательный палец во рту и смотрело на Мала широко раскрытыми глазами. Мала вспомнил о Маргарите, и мгновенно возненавидел девочку, навеявшую образ утраченной возлюбленной. Не отводя от нее глаз, Мал подвязал пояс и прицепил к нему меч Рамзеса. Затем его взгляд упал на стоящие под деревом кожаные башмаки. Недолго думая Мал обулся. Девочка подошла к нему поближе:

– Мой отец рассказывал о тебе, змей, – произнесла она тонким голосом – Какая у тебя красивая кожа! Можно прикоснуться к ней?

– Можно, – ответил Мал и отвернулся.

Девочка проникла ручонкой под зеленое платье и провела пальчиками по груди Мала. От ее прикосновений необъяснимое отвращение только усилилось. Детская рука была холодной и скользкой. Мало того, из нежного детского рта исходило зловонное дыхание, так словно бы ребенок только что проглотил мертвое животное и теперь выпускал из внутренностей запах протухшего трупа. Мал раздраженно отдернул руку девочки и хотел было крикнуть, чтобы она убиралась прочь. Но та посмотрела на него таким беззащитным взглядом, что Мал сдержался. Девочка смущенно улыбнулась и мягко разжала на запястье пальцы принца. Заметив, что Мал сожалеет о своем порыве, она снова прикоснулась к его коже.

– Какая она красивая! – восхищенно прошептала девочка и жадно втянула носом воздух вблизи змеиной чешуи.

Она пришла в возбуждение – из ее рта капала густая слюна. В детском тельце вдруг проснулся хищный зверь, бездушный и коварный.

– С каким удовольствием она содрала бы с меня эту кожу живьем, – подумал Мал. – Впрочем, пусть кожа достанется ей, ведь мне все равно. И зачем я злюсь?

– Радость моя, прошу, дай нашему гостю отдохнуть, – прозвучал мягкий женский голос.

– Оставь его в покое! – второй женский голос, в отличие от первого, резал слух.

Девочка с виноватым видом отскочила от принца и спряталась за деревьями. Мал оглянулся: за его спиной стояли две женщины одного роста, в одинаковых платьях и золотых украшениях. У одной – светлые волосы, у другой – красно-рыжие. Лица женщин были прекрасны, вот только одна из них смотрела с состраданием, другая – с ненавистью.

– Позволь мне проводить тебя в покои моего мужа и господина, рыцарь, – с нежностью проговорила светловолосая.

– Мой муж и господин давно ждет тебя! – грубо, с вызовом произнесла красно-рыжая.

– Я благодарю вас за приглашение и готов следовать за вами, – ответил Мал.

Женщины повели принца еще дальше, в самую глубину сада. Там их ждал человек в длинном светлом одеянии. Он с задумчивым видом восседал на белом троне посреди зеленого луга, а рядом с ним лежали по одну сторону – лев, по другую – львица. Появление Мала в сопровождении женщин заставило животных сесть и принять величественные позы. Светловолосая встала рядом с львицей, прижалась к мужчине всем телом и нежно его поцеловала. Красно-рыжая подошла к мужчине с другой стороны и приветствовала его страстным поцелуем. Тот сначала обратился к светловолосой и провел рукой по ее белым локонам, волнами ниспадающим на плечи. С красно-рыжей он предпочел обойтись по-другому: мужчина грубо схватил ее за волосы, намотал их на руку, резко притянул к себе и пылко обнял.

Тот, кого женщины называли своим господином, был красив и печален. Не выпуская женщин из объятий, он обратил взор на Мала:

– Приветствую тебя, рыцарь.

– Приветствую повелителя здешних мест, – Мал склонился. – Я, принц Мал, благодарю тебя за гостеприимство и прошу назвать свое имя.

– Ты можешь называть меня принцем Акером, – мужчина жестом пригласил присесть.

Мал опустился на траву:

– Я сбился с пути и хочу знать, где нахожусь.

– Догадываешься ли ты, что находишься в мире, живущем по неведомым тебе законам?

Мал кивнул.

– Все, кто живет в этом городе, подобны тебе.

– Разве это город? – удивился Мал.

– Ты видишь лишь то, что захотел увидеть. В твоих глазах отражаются желания твоей души. На самом деле окружающий тебя мир выглядит иначе.

– Я не понимаю тебя.

– Ты видишь лес, но в действительности его не существует. Лес лишь воплощает твоё желание оградить взор от человеческих лиц, а слух от человеческих голосов. Ты давно блуждаешь по улицам города, но не видишь его, потому что не хочешь видеть. Ты устремился к одиночеству и получил иллюзию одиночества, но не более того. Мы пытались разбудить твою душу и заговорить с тобой, но ты никого к себе не подпускал. Ты смотрел на нас, но никого не видел. Ты продолжаешь спать и видеть сон, и никто не в силах тебя разбудить. Ты сможешь вырваться из плена иллюзии, если только сам этого пожелаешь. До тех пор, пока это не произойдет, ты будешь видеть нас сквозь призму своих чувств. Всею причина – боль внутри тебя. Ты боишься встретиться с ней лицом к лицу. Стоит боли напомнить о себе, как ты бежишь от нее стремглав, и желаешь видеть то, чего не существует.

– Хорошо, но откуда в воображаемом мной лесу взялись дикие животные? – с сомнением спросил Мал?

– Образ леса, созданный с помощью твоих чувств, населен птицами и мелким зверьем, но твой ум привык к лесу, в котором обитают хищники. Ради твоего спокойствия мне пришлось подыграть тебе. Все явившиеся тебе обитатели леса – это мои слуги, им же пришлось убеждать тебя в том, что здесь можно встретить и хищников.

– Но ведь я искал выход из леса! Я по-прежнему хочу выйти отсюда! – Мал решительно отказывался верить речам Акера.

– Если бы ты хотел найти выход, ты бы давно нашел его. Но ты слишком боишься встретиться с настоящей болью. Хотя тебе рано или поздно все равно придется ее пережить – только так ты сможешь ее преодолеть. Но вместо этого, ты предпочитаешь страдать от одиночества.

Слова Акера еще больше запутали Мала. Теперь он совсем не понимал, что с ним происходит. Почему же он сам не может разобраться, что есть истина, а что есть ложь, и почему ему в очередной раз приходится прибегать к помощи наставника? В конце концов, он пришел сюда, лишь для того, чтобы узнать направление пути.

– Я хочу, чтобы ты показал мне дорогу. Еще я нуждался в одежде, но я уже получил ее. Ты можешь дать мне пищи, но более мне ничего не нужно от тебя.

– Ты глуп и упрям, поэтому я не в силах помочь тебе. Ты не сможешь найти дорогу, даже если я много раз опишу ее во всех подробностях. Я скажу пойти направо, ты поблагодаришь меня и пойдешь налево, в полной уверенности, что в точности следуешь сказанным мною словам. Ты пойдешь за своими чувствами, и они опять приведут тебя в воображаемый лес.

Мал вспомнил учение Ибн Луки о разладе между животной душой и душой разумной: одна стремится найти выход, другая ввергает ум в иллюзию, потому что потеряла способность к восприятию реальности. И тогда принц начал понимать, что с ним происходит: вместе с гибелью оборотня отмерла, и часть его звериной души. Не желая ничего не видеть, не слышать, она впала в слепоту, потеряла чувствительность и стала словно сама по себе. Звериная душа прекратила служить уму, как это было до сих пор. Желание вырваться из леса порождает ум, но животная душа не следует ему. Теперь она, так же, как и ум, находящийся во власти змея, до конца не подчиняются Малу.

– Мой ум мне не принадлежит! Мои чувства заблуждаются! Вместе они ведут меня в тупик. Я больше не могу себе доверять... Что же мне делать? Но если животная душа, словно во сне, блуждает по неизвестному миру, не желая видеть ничего, что происходит вокруг, тогда почему я встретил Акера – властелина этих мест. Как я могу слышать его, если звериная душа не желает искать выход из леса? Почему Акер может разговаривать со мной, если я никого не могу воспринимать в истинном облике? Как у него получилось обмануть мое чувства? – подумал Мал и произнес вслух, – Принц Акер, мой ум увидел противоречие. Мне хотелось бы, чтобы ты разрешил его.

– Слушаю тебя, принц-рыцарь.

– Если мои чувства жаждут оставаться в неведении и бесконечно блуждать по лесу, то почему я встретил тебя? Почему ты предстал предо мной человеком, а не хищным зверем, столь желанным моему уму? Почему при этом я вижу траву и деревья так, словно бы я все еще в лесу?

– Я не разбудил тебя, а всего лишь ненадолго проник в твой сон. Перед этим мне пришлось приложить немало усилий, чтобы ты заметил меня. Я выяснил, что именно ты воспринимаешь в искаженном виде, и создал ситуацию, в которой противоречия для тебя очевидны. Только тогда ты можешь видеть меня.

Мал вспомнил лесного преследователя и понял, что мог различать его только в тот момент, когда воспринимал как нечто чуждое лесу.

– Знаками я вывел тебя к своему дому, чтобы у меня появилась возможность говорить с тобой. Когда ты полагал, что углубляешься в чашу леса, ты шел по ступеням лестницы, ведущей к входу в мое жилище. Тебя провели в сад. К счастью, он не вызвал противоречия в твоём уме, а только утвердил тебя в твоей иллюзии. Так что сейчас ты находишься в моем саду, хотя по-прежнему не знаешь, как я выгляжу на самом деле и каков истинный облик моих жен, – Акер нежно улыбнулся женщинам, прильнувшим к нему с двух сторон.

– Могу ли я увидеть тебя сейчас? – полюбопытствовал Мал.

– Можешь, но при одном условии.

– Говори.

– Ты должен по доброй воле позволить существу, что скрывается в твоём уме, взглянуть на мир через твои глаза собственным зрением.

У Мала не было желания о чем-либо просить змея. Но ведь раньше он пользовался его силой. Почему бы не обратиться к нему открыто? Взять да и попросить! Но ведь Ибн Лука утверждал, что змею нельзя доверять – тот только искажает правду и творит ложь. И Хуфтор говорил о том, что змей не кто иной, как шайтан Эблис. Филипп и Ари не раз предупреждали Мала о коварстве дьявола, обладающего змеиной природой. И лишь капитан, единственный из всех, убеждал в том, что змей действует во благо принцу.

– Что же делать? – Мал терзался сомнениями. – Если мой ум желает покинуть лес, стало быть, змей, живущий в разумной душе заодно с умом, пытается мне помочь, а я отвергаю его помощь. Но при этом я все равно не освобождаюсь от змея. И в трудный час он опять явится, чтобы спасти меня, даже если я не захочу его видеть. Но ведь и это неправда, самообман! Как только наступает смертельная опасность, желание жить пробуждается во мне, а змей тут как тут – готов спасти меня.

– Если думаешь, что я обманываю тебя, ты волен уйти. Я могу указать тебе дорогу к озеру, соединяющему наш мир с тем миром, откуда ты вышел. И, уверяю тебя, ты снова заблудишься, и еще долго будешь искать выход из воображаемого леса. В этом случае я уже не смогу вновь встретиться с тобой, даже если ты захочешь этого. Твои чувства послужат тебе непреодолимой преградой. Принимай решение, принц-рыцарь.

– Что я должен сделать, чтобы увидеть вас? – решительно произнес Мал.

– Закрой глаза и вслух попроси об этом змея.

Мал закрыл глаза и медленно проговорил:

– Змей, прошу тебя, покажи мне тех, кто находится предо мной.

– Смотри, – незамедлительно прозвучал голос в голове Мала.

Мал открыл глаза. Мир чудесным образом изменился – он засиял ярчайшими красками. Где-то вдали, под облаками в мерцании блуждающего солнечного света повисли дома неведомого города. Островерхие шпили вздымались в небо, отсвечивая таинственным золотистым блеском. Мал стоял рядом с дворцом, поражающим своим великолепием, а перед ним на малахитовом ложе восседал огромный удав. Так же, как и у его жен, тело удава венчалась человеческой головой, а из огромного змеиного тела росли две руки, вполне схожие с человеческими.

Змеиная чешуя красиво переливалась всевозможными цветами, а немигающие глаза Акера излучали невыразимую печаль и доброту. Его охраняли львы, отлитые из чистого золота. Их морды были направлены в противоположные стороны света.

– Я знал, что ты – не человек, но ты ведешь себя совсем не так, как Тот или Анубис.

– Ты должен знать, что существуют боги, рожденные богами, и те, кто был рожден людьми. У Тота и Анубиса – божественное происхождение, у меня – земное.

– Я хочу узнать про то, как ты был человеком – расскажи мне.

– Я не помню жизни в человеческом теле, и человеческое имя стерлось из моей памяти.

Когда человек становится богом, он получает право оставить память о прошлой жизни. Я воспользовался им в городе богов Саисе.

– Ты назвал Саис городом богов? Мне он известен как город-университет, – уточнил Мал.

– В Египте есть города, где боги учат людей своей премудрости. Но не все ученики становятся богами, а лишь избранные, – объяснил Акер.

– Вижу, что в Саисе ты встал на путь змея, я же отказался пойти по нему.

– Ты лукавишь перед самим собой, принц-рыцарь. Ты все-таки встал на путь змеиного бога, иначе откуда бы в твоей душе взялся змей.

– Я не буду спорить с тобой, бог Акер, но ты прав и не прав одновременно. Если ты умеешь читать души, подобно Анубису или Тоту, то можешь узнать какую ненависть я питаю к змеиному роду.

– Эта ненависть не мешает тебе владеть змеиной силой, и змей верно служит тебе. Он защищает твою жизнь и наделяет тебя мудростью.

– Все это так, но из-за него я потерял свою любовь, а вместе с ней часть моей души, – возразил Мал.

– Нельзя лишиться того, что уже стало частью тебя самого. Любовь слилась с твоей душой, и ты не можешь ее потерять. По замыслу богов природа души такова, что искоренить из нее любовь невозможно, и даже сами боги не в праве решать судьбу твоей любви. Ты всего лишь потерял способность чувствовать любовь, но сила любви, порождаемая твоим умом, по-прежнему не имеет границ. Ты потерял то, что должен был потерять, – все человеческое, что непостоянно и изменчиво, обречено на смерть. Но та часть души, которую ты осознаешь с помощью ума, она осталась с тобой и все также предана тебе.

Женщины-змеи обвивали тело Акера, и при этом обе оставались в пределах невидимой черты, отделявшей правую сторону от левой. Мал откровенно любовался их телами и испытывал крайне противоречивые чувства. Речь Акера, произнесенная глубоким проникновенным голосом, заморозила принца логикой и красотой. У него не было причин не доверять змеиному богу. Акер и его жены притягивали статью, красивой чешуей, плавными жестами, ритмичными движениями извивающихся тел – всем тем, что прежде у Мала вызывало отвращение. До сих пор он смотрел на изгибы змеиного тела, как на нечто неестественное, а потому мерзкое и достойное лишь ненависти и презрения.

– Вот посади змею в самое узкое горлышко кувшина, она и там извиваться будет, – любил повторять Мал, а теперь впервые испытывал стыд за то, что отвергал змеиный народ.

Принц закрыл глаза.

– Змей, прошу тебя, верни мне мое зрение.

Когда Мал открыл глаза, золотые львы ожили, змеи обрели человеческие тела, а город обратился в бесконечный прекрасный сад. Но змеиный взгляд сверкающих глаз Акера остался неизменным. Мал понял, что этот блеск в глазах с самого начала вызвал в нем сомнение в человеческом происхождении Акера и его жен. Теперь, когда все встало на свои места, оставалось выяснить, зачем змеиный бог помогает ему? Почему он приложил столько усилий, чтобы проникнуть в его иллюзию? Какие цели он преследует? Какую выгоду ищет? Ведь боги ничего не делают без умысла.

– Что тебе от меня нужно, бог Акер? – спросил Мал. – Неужели на правах змеиного государя, ты решил заключить со мной сделку?

– Между мной и тобой не может быть никакой сделки. Ты такой же змей по крови, как и я. Различие между нами лишь в том, что я смиренно принял судьбу и стал таким, какой есть, а ты нет. Я покровительствую всем, ступившим на путь змеиной силы. Таков обет, принятый мною по собственной воле. Мой долг помочь тебе понять твое истинное положение, и потому я не намерен брать что-либо взамен.

Мал вспомнил, как Анубис при встрече назвал его «Змеиным князем». Уже тогда в нем проявлялась змеиное начало.

– А если бы в моих жилах текла кровь обычного человека, мог ли я ожидать от тебя помощи?

– Тогда бы я тебя просто не заметил. Все, что обладает человеческой природой, проходит мимо моего взгляда.

Акер говорил просто, ничего не скрывая, и Мал все больше проникался к нему почтением. Принцу не хотелось прерывать разговор со змеиным государем, и он продолжил задавать вопросы:

– Скажи, повелитель Акер, город сокрытый от моей души, это город, в котором живут твои сородичи? – Мал подумал и добавил – И мои...

– Это обитель, куда по воле богов попадают герои – те, кто совершил подвиги в мире людей. Но не все обретают здесь счастье, кому-то достаются и пытки. Он невидим для людей, и только те, кто встают на путь бога, обретают способность видеть город героев.

– Означает ли это, что прежде, чем попасть сюда, я умер в мире людей?

– Этот город совсем не похож на Туат – обитель мертвых. Здесь живут те, кто познал себя в том мире, откуда он родом и обрел дар видеть свою душу. Здесь люди продолжают путь познания самих себя. По воле богов им открываются самые сокровенные тайны души. Но, если человек пожелает вернуться в свой мир, ничто не будет препятствовать ему.

– Ты хочешь сказать, что здесь живут люди из разных миров?

– Именно так. И озеро каждого возвращает в свой мир и в свое время.

– Я хочу задать тебе еще один вопрос, – Мал внимательно посмотрел в немигающие глаза змеиного бога.

– Спрашивай, и я отвечу тебе, – благосклонно проговорил Акер.

– А если человек не пожелает становиться богом?

– Это его право, – ответил Акер.

– И он в любой момент может сойти с этого пути? – спросил Мал вслух, а про себя подумал: – ведь у меня нет цели становиться богом, зачем же мне открыли дорогу в невидимый мир?

– Человек всегда может отказаться от божественного дара. Боги не могут нарушать принадлежащую человеку свободу выбора. Только по доброй воле люди дают обет следовать высшим законам и таким путем становятся равными богам.

– Если боги избирают человека, а тот не оправдывает их ожидания, означает ли это, что боги ошиблись?

– Человек подчиняет свою жизнь желаниям, поэтому им легко управлять, надо только распознать, что именно желает. Люди намного чаще ошибаются в богах, – те просто не в силах воплотить в реальность все безумные мечты, возникающие в человеческих головах.

Мал вновь задумался:

– Вот почему Анубис пытался выведать мои желания. Так он хотел поймать меня в ловушку. Ведь желание делает человека зависимым от того, кто может его исполнить. Но если бы у человека не было никаких желаний – был бы он тогда человеком?

Акер услышал мысли Мала как слова, произнесенные вслух:

– Таких немного среди людей. Они желают обрести истинную свободу – свободу от всего человеческого. Они одиноки в своем стремлении и не похожи на всех остальных. Их не соблазнит радость победы, а горечь поражения не смутит их ни на мгновение. Они настолько жаждут обрести свободу от бесчисленных желаний, страха, гнева и вождения, настолько презирают человеческую ограниченность и неустанно стремятся к совершенству, что заставляют восхищаться собой и безудержно притягивают нас – богов. Они обретают беспристрастность и становятся нашими избранниками. Когда человек освобождается от желаний, он восходит на стезю бога. Это первая ступень на пути к совершенству. Выйти из бесконечного потока желаний и стать безупречным сможет только тот, кто обладает великой силой, побуждающей отбросить все, что привязывает к изменчивому и непостоянному миру людей. Вспомни, принц-рыцарь, как однажды ты возмечтал об этом...

Акер, не торопясь, встал с трона, вслед за ним поднялись его жены. Светловолосая по-прежнему смотрела на Мала с нежностью, а красно-рыжая с ненавистью. В присутствии Акера они не проронили не слова.

– Мы оставляем тебя. Ты волен находиться здесь столько, сколько пожелаешь, – сказал напоследок Акер и вместе с женами покинул сад.

Мал неотрывно смотрел им вслед, пока могущественное семейство не скрылась за деревьями. Он был сокрушен беспощадными словами змеиного бога. Акер, несмотря на простоту и доступность, был не только равен в своем величии Анубису и Тоту, но и превосходил их в понимании человеческих душ. Акер обладал даром видеть душу как на ладони, и с легкостью распознал овладевшее Малом желание свободы:

– Вот, что должен был предложить мне Анубис, – вспомнил принц мрачного бога с собачьей головой, безудержного в выведывании сокровенных мыслей, – тогда я не смог бы устоять!

Слишком долго он жил, надев маску послушания и пытаясь забыть об истинных устремлениях, слишком долго ему пришлось предаваться утомительным королевским забавам и изображать из себя неистового завоевателя новых земель. Мал гнал прочь уныние, накатывавшее во время нескончаемых военных походов, и не находил ответа на вопрос:

– Ради чего все это?

Маргарита разорвала порочный круг бессмысленных блужданий его души. Она принесла в своем сердце свет любви и свободы и вырвала Мала из тьмы заточения в королевском замке. Тогда принц стал прозревать свое предназначение, и то был бесценный дар, полученный им из рук девочки, что однажды приехала в голландское королевство из далекой страны франков. Она перевесила на чаше весов судьбы и любовь к родине, и привилегии, полученные по праву принадлежности к королевскому роду. В танце Маргарита была подобна игривой бабочке, подхваченной порывом ветра. В танце обнажалась ее душа, и когда Мал в первый раз приблизился к ней в тот самый вечер в замке короля Гербранда, накануне так и несостоявшегося венчания с Эудженией, он был пронзен лучами счастья, изливающегося на мир и всех живущих в нем сияющим потоком:

– Этот свет не может иссякнуть. Пусть он сияет целую вечность!

Невыразимая горечь потери подступило к самому горлу, но рыдания так и не прорвались сквозь змеиную чешую – Мал не проронил и слезинки. Он воображал себя бьющим кулаками по земле в приступе отчаяния и ярости, но, в действительности, не мог даже сдвинуться с места, чтобы выразить охватившие его печаль и ярость. Мал не чувствовал боль потери и мог лишь думать о ней. Он изменился, и чувства были ему неподвластны. Умственные переживания высушили его изнутри. Мала охватила усталость. Он хотел спать. Взамен способности ощущать боль Мал получил иную чувствительность – она была намного тоньше и пронзительней прежней. Если раньше им двигала страсть, то теперь он был ведом змеиной мудростью. До сих пор Мал целиком и полностью зависел от своих желаний. Любовь к Маргарите затмила собой все, но даже тогда Мал поддавался любопытству и сбивался с пути. Смерть оборотня

иссушила страсть, но не любовь. Желания все также пробуждались в душе Мала, но облечься в чувственную ткань и обрести прежнюю силу они не могли. принц силой ума устремлялся к Маргарите, но мог лишь воссоздавать ее образ и только.

Маргарита бежит по улицам безлюдного города. Мал гонится за ней. Стоит ему настичь ее, как Маргарита сворачивает в переулок и исчезает между домами. Мал опять мчится за девочкой, но Маргарита не останавливается. Стоит Малу приблизиться, как она ускользает. Мал не выдерживает, догоняет девочку и рывком хватает ее за рукав. Маргарита оборачивается, и Мал видит озлобленное лицо слепой старухи – та готова разорвать его на части. Старуха с силой отталкивает Мала, тот летит в сторону, бьется головой о каменную стену и погружается во тьму. Лик Христа на алтаре храма святой Гертруды. Мал стоит перед ним на коленях и молится. Позади него – Филипп и Ари. Их лица неестественно бледны, потому что больше их нет среди живых.

Принц проснулся в саду посреди ночи с мыслями о Маргарите и о тех, кто был так ему близок:

– Пепин несправедливо обвинил Филиппа в богоотступничестве. Меч благочестивого рыцаря принадлежал Господу и никому больше. Паладин был предан святому делу – поиску Священной обители. А что сделал я? Змей прав – я жесток. После смерти оборотня я думал только о себе. В итоге все погибли, а я обречен на одиночество. Теперь я слеп, и блуждаю среди иллюзий. Если позволю себе смотреть на мир зрением змея, то лишусь всего человеческого и стану еще больше от него зависим. Но я и так завишу от его мудрости и неуязвимости. Что же мне делать?

Мал восстановил в памяти увиденный им во сне лик Христа из храма Святой Гертруды и зашептал:

– Господи, да пребудет воля твоя во мне.

На него немедленно навалилась усталость. Принцу опять захотелось спать, так же, как и во время последней совместной с Филиппом и Ари молитвы в Краке. Затем появилось раздражение, которое обратилось в гнев на самого себя. Гнев был такой силы, что Мала затрясло.

– Откуда это гнев? Кому он принадлежит? – спрашивал себя Мал и не находил ответа.

Голова раскалывалась, глаза застилала пелена, но Мал повторял и повторял молитву, пока не утратил способность мыслить.

Он очнулся, когда солнце едва поднялось над горизонтом. Открыв глаза, Мал увидел золотых львов. Один из них смотрел на восток, а второй, как и прежде, вглядывался в западную сторону. Солнечные лучи высвечивали башни невидимого города.

– Неужели теперь я вижу, все как есть на самом деле? – удивился Мал. – Змей, это твои глаза смотрят через меня?

В ответ не прозвучало ни слова.

– Змей, зачем ты показываешь мне этот мир? – повторил свой вопрос Мал.

– Ты видишь его сам, без моей помощи.

– Стало быть, чувственная душа вовсе не умерла вместе с оборотнем, и у меня есть шанс вновь обрести самого себя, – подумал Мал и увидел ползущего к нему Акера.

– Я вижу, ты принял решение покинуть наш мир, принц-рыцарь, – сказал змеиный государь. – Я знал, что ты обретешь змеиное видение, но не предполагал, что это произойдет так скоро.

– Люди в отличие от богов непредсказуемы, – ответил ему Мал.

– Мои дочери проводят тебя к озеру, принц-рыцарь, – скупой произнес Акер и посмотрел в сторону ползущего по траве еще одного человека-змея.

Это был слуга змеиного государя. Он сначала привел его к отхожему месту, а затем проводил принца к садовому ручью, чтобы тот омылся. Затем Мал последовал за слугой Акера

во внутренний двор. У него появилось ощущение, что его хотят поскорее выпроводить, хотя еще вчера ему казалось, будто Акер готов оставить его у себя.

– У богов свои законы гостеприимства, и не мне судить о том, насколько они справедливы...

Во дворе, между обвитых зеленью разноцветных колонн, стоял Акер и держал за золотую уздечку красного коня.

– Перед тем, как ты покинешь мой дом, выслушай меня, – обратился к Малу змеиный государь. – Я отдаю тебе скакуна по имени Амфал. Он донесет тебя до пределов Халдеи. У ворот города Айя отпусти его обратно. Знай, что Амфал питает отвращение к обителю смертных – в мире людей ему не место. Помни: что бы ты не обрел на своем пути, то дано тебе с благословения змеиных богов. Прощай, принц-рыцарь!

Акер протянул Малу сияющую уздечку. Могучий конь склонил перед принцем огромную голову с шелковой гривой и ударил по земле острым копытом. Из его пасти вырвались клубы дыма, немигающие глаза животного дико сверкали.

– Благородный Акер, ты пробудил у меня веру в богов, и мне хотелось бы отблагодарить тебя, – сказал Мал.

Змеиный государь бросил взгляд на слугу, и тот пополз во дворец. Вскоре он вернулся. В руках слуга держал лук и колчан со стрелами.

– Твоя судьба мне неизвестна, – произнес Акер. – Но я знаю, что на том берегу ты встретишь вернувшегося к жизни новым рождением лучника, который будет сопровождать тебя в твоих скитаниях. В нем ты обретешь верного друга. Вручи ему этот лук от имени сокола Гора – сына Изиды.

– Я исполню твое поручение, – пообещал Мал и огляделся в поисках выхода.

Ворота, ведущие прочь из сада, были широко открыты. Мал оглянулся, чтобы проститься со змеиным государем, но на его месте уже сидела девочка-змея в белом платье с красными кружевами. Серебристая кожа ее длинного и гибкого тела была покрыта зигзагообразными красными полосами.

– Пойдем скорее, я хочу познакомить тебя с моей сестрой, – девочка навязчиво улыбалась и смотрела на Мала синевато-стальными глазами.

– Мне с лихвой хватит и одной попутчицы, – Мал не скрывал своей холодности.

– Мой папа говорил, что ты добрый, но я знаю, что ты злой, – с обидой произнесла девочка.

Мал с недоумением посмотрел на дочь Акера.

– У тебя красивая кожа, но ты гадкий! – продолжала девочка. – Ты не любишь ни нас, ни себя. Лучше бы папа не приводил тебя к нам. Хорошо, что ты уходишь! Жаль, что ты змей!

– А если бы я не был змеем – что тогда? – полюбопытствовал Мал.

Девочка мечтательно запрокинула голову и прищелкнула языком:

– Если бы ты не был змеем, я бы сначала позволила старшей сестренке поиграть с тобой, а потом мы бы принесли тебя в жертву богу солнца вместе с бабочками и цветами...

Мал улыбнулся:

– Мне жаль, что я не могу доставить тебе эту маленькую радость. Помни, что Акер велел тебе вывести меня к озеру.

Девочка вздохнула:

– Я помню. Отца нужно слушаться во всем! Он очень мудрый змей, и я его люблю.

Мал направил коня к выходу, и Амфал неспешно сдвинулся с места. За воротами огромной спиралью спускалась вниз длинная дорога, огражденная каменными стенами. Оказалось, что дворец Акера располагался на высоком холме, а вовсе не в низине, как показалось Малу, когда он только вошел во владения змеиного государя после долгих блужданий по иллюзорному лесу. Теперь его взору открылся до сих пор неведомый ему город. Он был застроен

устремленными к небу башнями, стены которых были исписаны таинственными знаками. Башни были настолько высоки, что взор Мала не достигал их вершин. Принц догадывался, что в них живут существа, подобные Акеру. Лишь немногие из редких прохожих, встреченных Малом, были схожи с обычными смертными. По большей части тела жителей неведомого города объединяли в себе человеческую и звериную плоть. Они могли быть покрыты шерстью, чешуей или птичьим оперением. Странные, не похожие друг на друга создания: сильные, свирепые, тонкие, гибкие, большие, маленькие, не обращая ни кого внимания медленно ползли, скользили, переступали по дороге. У кого-то были всего одна нога и один глаз, у другого – две лошадиные или козлиные ноги, у третьего – четыре львиные лапы. Встречались и существа похожие на рыб, со скользкими продолговатыми телами, с ногами, напоминающими плавники, и каплеобразными лицами, в которых едва угадывались человеческие черты. Каждый из обитателей города богов обладал присущим только ему величием и грацией. Они поражали и привлекали Мала особой силой, заключенной внутри причудливых тел, покрытых роскошными одеяниями, украшенных золотом и драгоценными камнями. Очень редко во встречных угадывались пары, но и те шли глубоко погружившись в свои мысли, словно не замечая друг друга. Никто не произносил ни слова, и принц тоже не испытывал желания говорить. Лишь шум шагов и цоканье копыт Амфала нарушали городскую тишину. И это было как раз то, что нужно пробуждающейся душе Мала.

В городе не было суеты, его жизнь текла по неизвестному ритму. Амфал очень медленно продвигался по бесконечно длинной улице свивающейся вокруг солнца. Город представлял гигантским храмом, заставленным золотыми статуями богов. Среди них Мал узнал Тота, Анубиса и Акера. Небо над городом пронзали высокие стелы, испещренные надписями. Странно, но Мал не испытывал желания прочитать ни одну из них. Этот город был для него чужим, Мал хотел как можно скорее покинуть его. Здесь для него было слишком много солнечного сияния и золотого блеска.

К полудню улицу пересекла персиковая роща, и Мал с девочкой вошли под сень деревьев, увешанных спелыми плодами с бархатистой кожицей. В роще протекал ручей, по краям которого росли розы, жасмин и шиповник. Ветер подхватывал цветочный аромат и разносил его по воздуху. Птицы перекликались между собой сладкозвучными голосами. Успевший проголодаться Мал спешил, сорвал персик и с наслаждением вкусил его. Неожиданно рядом раздался грубый возглас. Мал оглянулся на девочку, и не узнал ее. Глаза дочери Акера сверкали холодным блеском на побелевшем лице. Кожа змеиного тела густо покраснела. На руках сквозь нежно-белую кожу проступили жилы, и было видно, как по ним течет кровь. Девочка злобно смотрела на принца чужим лицом.

– Что с тобой? – Мал почувствовал опасность.

Ему захотелось немедленно выхватить меч Рамзеса и разрубить дочь Акера на куски, хотя никакой ненависти он к ней не испытывал.

– Кра-а-а-асавец – протянула она низким голосом и прикоснулась к Малу хвостом.

Прикосновение вовсе не показалось ему омерзительным, напротив ласка прохладной змеиной конечности на удивление понравилась Малу. Между тем змея хохотнула и резко бросилась вперед. Ее шея молниеносно вытянулась, и она поймала ртом маленькую птичку, пролетающую мимо на свою беду. Белоснежные зубки пронзили тонкое оперение. Птичка вскрикнула, беспомощно замахала крыльями, но дочь Акера безжалостно откусила ей голову и принялась пить кровь из бьющегося в судорогах тельца. Утолив жажду, она отбросила в сторону останки жертвы, не вытирая окровавленных губ, поползла к дереву, над которым кружились другие птицы. Мал сорвал еще один персик, а змея застыла под деревом, не отрывая немигающего взгляда от кружащихся птиц. Наконец одна из них камнем упала вниз, угодив прямо в пасть змее. На этот раз дочь Акера проглотила птицу целиком и поползла обратно

к Малу. Насытившись, она вернула себе прежний облик, опять став маленькой девочкой – спокойной и счастливой.

– Не бойся, – девочка посмотрела на Мала невинным взглядом, – это была не я.

– Не ты? – переспросил Мал.

– Конечно не я, – завертела головой девочка.

– А кто же тогда? – усмехнулся Мал.

– Какой же ты глупый! Это была моя любимая сестричка и ты ей понравился. Она тебя полюбила. А ты ее?

Мал сделал вид, что не понимает, о ком она говорит. Девочка залилась смехом и принялась резво ползать вокруг Мала, весело выкрикивая:

– Глупый! Глупый! Глупый!

Мал догадался, что сестра, так же как и его змей, живет внутри девочки, и та всего лишь разрешила ей «выйти наружу».

– Что же произойдет, если я позволю своему змею также проявиться? – подумал Мал.

Они миновали рощу и вновь вышли к башням, стелам и статуям. Дух, царивший в городе богов, навевал на Мала тоску по силе и свободе, правдивости и чистоте помыслов. Принц в который раз вспоминал Филиппа с его благочестивым стремлением найти Священную обитель, и в нем с новой силой пробуждалось желание искать путь к спасению души и избавлению от бесчувственности:

– Только вера спасет нас всех: и мертвых и живых! Я должен совершить то, что когда-то пообещал паладину – найти Священную обитель. Я – змей в образе человека. И этого не изменить. Меч Рамзеса и змеиная неуязвимость – больше ничего и не надо, чтобы осуществить задуманное...

Мал поймал себя на мысли, что он опирается на силу змея, признавая ее за свою. Благое дело вынуждало Мала обратиться к ней, несмотря на то, что рано или поздно придет час расплаты. Принц не знал, какой договор заключил со змеем его предок, но если он намерен отыскать обитель Христа, то никак не может отказываться от живущего внутри него змея.

– Необходимо поговорить с ним и понять, что ему нужно. Возможно, наши цели совпадут. Так будет честнее.

Когда они подошли к очередному оазису, зеленеющему на их пути, Мал спросил дочь Акера:

– Ты очень любишь свою сестру?

– Да, очень, – охотно ответила девочка.

– А она тебя?

– Тебе ли не знать? Мы ведь неразлучны друг с другом.

Мал покачал головой. Он присмотрел себе место возле ручья и предложил:

– Давай отдохнем.

– Ты отдохни, змей, а я пока покатаюсь на лошадке.

Девочка взобралась всем змеиным телом на коня:

– Покатай меня, Амфал! – приказала она и поскакала в глубину рощи.

Мал напился воды из ручья, закрыл глаза и настроился на разговор со змеем. Он не сомневался в верности избранного пути.

– Змей ты слышишь меня! Я хочу говорить с тобой!

– Говори, – мысль всплыла на поверхность из глубины сознания.

– У тебя есть желания?

– Нет.

Ответ не обескуражил Мала. Возможно, он неверно задал вопрос.

– А как же твоё желание покрыть земли Египта мертвой человеческой плотью?

– Мне необходима кровь так же, как тебе пища.

– Не хочешь ли ты сказать, что если мой меч не покинет ножен – ты умрешь?

– Я заставлю тебя убивать, – сухо ответил змей.

– Ты тверд в своем намерении, – признал Мал.

– Мы похожи, брат мой.

Малу было неприятно, что чудовище называет его братом, но он не стал об этом говорить.

– Что было в том договоре, который ты заключил с моим предком? Что ты должен мне, и чем я обязан тебе?

– Я дал твоему роду власть, могущество и неуязвимость в бою. Взамен твой предок обещал вечно служить мне и моим братьям.

– Но причем тут я? Ведь ты заключил договор с моим предком. Я – это не он!

– Смотри.

Мал не понял, что от него хотят.

– Открой глаза, – повторил змей.

Мал послушно открывает глаза и видит воина в плаще из шкуры леопарда, стоящего на берегу лесного озера, в центре круга, очерченного огнем двенадцати факелов.

– Я отрекаюсь от силы леопарда! – трижды произносит воин, срывает с себя шкуру и бросает ее в огонь.

В лесу раздается грозный рык зверя. Но когда огонь гаснет, рык стихает. В круг входят прекрасные девы в одеждах, прошитых жемчугом, чьи головы увенчаны сверкающими диадемами, а шеи увиты ожерельями из драгоценных камней. Они надевают на воина плащ из змеиной кожи. Ему подносят две чаши, в одной – змеиный яд, в другой – змеиная кровь.

– Я убиваю в себе леопарда, – кричит воин, поднимает чашу с ядом и осушает ее.

– Я впускаю в себя змея, – снова кричит воин, поднимает вторую чашу и выпивает ее без остатка.

Над водной гладью приподнимается змеиная голова. Змей долго осматривается по сторонам, и, наконец, вытягивает зеленую с серебристым отливом шею над озером. Воин преклоняет перед ним колени, взгляд его безумен:

– Клянусь служить тебе верой и правдой, мой господин и старший брат.

Змей отвечает ему:

– Я принимаю твою клятву. Отныне твой род связан с моим. Ты получишь неуязвимость в бою, ты покоришь многие земли и прослывешь великим воином. Ты получишь власть и станешь королем. Но запомни, брат мой, если кто-нибудь из твоих потомков по мужской линии обратит меч против нас, он по своей воле станет нашим данником, а твое королевство падет в междоусобицах.

– Вот почему мы были обречены на поражение, дерзнув штурмовать Рим – город, которому покровительствовали змеиные боги. Значит, я и есть тот самый данник...

– Ну как? Ты отдохнул, змей, – игриво спросила девочка.

Мал мгновенно вернулся в город змеиных богов. Он спал с открытыми глазами. Мал посмотрел на девочку, мысленно все еще пребывая в сновидении. Улыбка немедленно сошла с ее уст, а в глазах появился испуг. Мал продолжал молча смотреть на нее. Девочка не выдержала, стремительно проскользнула под дерево и там свернулась в клубок. Мал поднялся на ноги, взял коня за уздечку и подошел к ней.

– Не смотри на меня так, – умоляюще проговорила девочка и закрыла лицо руками.

Весь оставшийся путь она ехала молча, стараясь не заглядывать Малу в глаза. Они покинули оазис, и вышли на единственную улицу города. Принц не переставал размышлять об увиденном. Больше всего его поразило то, что данником он должен был стать по своей воле. Дважды Мал мог отречься от змея, и леопард пытался ему в этом помочь, но принц так и не решился расстаться со змеиной силой:

– Насколько велика моя дань змеиному роду, и в какой срок я должен ее исполнить?

Разговор остался незавершенным.

К вечеру Мал и девочка достигли очередного оазиса, а когда деревья расступились, принц увидел озеро и туман, нависший над водой густым слоем. Миссия дочерей Акера была завершена.

– Там твой мир, – сказала девочка, указывая на недоступный взгляду противоположный берег. – Уходи!

В лучах закатного солнца Мал верхом на красном коне вступил в воды озера, отделяющего мир змеиных богов от мира людей. Принц возвращался, чтобы исполнить обет, данный рыцарю Филиппу.

Глава III. Гор – защитник побежденных

Едва народившаяся луна тускло освещала ночной небосклон. Густой мрак надежно скрывал башни замка Незерби от посторонних взглядов. Света едва хватало, чтобы разглядеть границу, отделяющую водную гладь от поверхности земли. Мал верхом на Амфале выбрался на берег и сразу почувствовал чье-то присутствие. Он взгляделся в ночную мглу и с трудом различил приближающуюся к нему человеческую фигуру. Мал остановил коня, спешился и стал дожидаться, когда неизвестный окажется рядом.

– Узнаете ли вы меня, мой господин? – раздался звонкий невероятно знакомый голос.

– Гор! – изумился Мал, – неужели ты жив?

Из темноты вынырнул высокий худой юноша.

– Он самый – из плоти и крови стоит перед вами.

Мал шагнул навстречу, обнял его и сквозь мокрую одежду почувствовал тепло человеческого тела.

– Я рад, что тебе удалось спастись, – сухо произнес принц.

Он и в самом деле был рад видеть мальчишку, которому когда-то пообещал подарить корабль, но был бессилён выразить свою радость – его чувства были закованы в панцирь змеиной чешуи.

На первый взгляд, Гор остался самим собой – вот только чуть-чуть подрос, и все же что-то в нем изменилось.

– Идите за мной, господин! – сказал Гор и повел Мала петляющей тропинкой.

Они пошли сквозь заросли карликовых деревьев, все больше удаляясь от стен мрачного замка. Придерживая Амфала за уздечку, Мал размышлял на ходу о словах Акера, сказанных ему на прощание:

– Лук и стрелы предназначены Гору – в этом нет сомнений. Но как удивительно, что наши судьбы вновь переплелись между собой. Здесь не обошлось без воли богов, и мальчик явно из тех, кому они покровительствуют.

– Мой господин, – заговорил Гор как только громада окутанного мраком замка Незерби скрылась из виду, – дозволейте поведать вам историю моего спасения.

– Я слушаю тебя, Гор, – отозвался Мал.

– Когда король франков приказал убить всех раненных в бою под Краком, дабы избавить их от страданий, я испугался. Король пообещал доставить пленников в замок Незерби и подвергнуть пыткам всех, кто пожелает отказаться от его милости. Сначала убили тех, кто был ранен еще при штурме. Они лежали в повозках и были не в силах защитить себя. Затем англичане принялись за раненых на поле боя. Я истекал кровью и не мог сдвинуться с места. Мне не хватило храбрости умереть так, как подобает воину. Смерть наставника Дана поселила в моем сердце страх. Я взмолился о пощаде. Человек, незадолго до того убивший Моркварда, подошел ко мне и спросил:

– Ты раб?

– Нет – ответил я.

– Что ты умеешь?

– Я – лучник и конюх.

Убийца Моркварда по имени Тернбулл спас меня. Он выпросил мою жизнь у короля франков. Тот ответил ему:

– Делай с ним все, что пожелаешь, если только он не подойдет по дороге, – и я восславил милостивых богов.

Слуга Тернбулла вынул стрелу из моей раны и перевязал ее. Он же помог мне взобраться на лошадь. К тому времени я чувствовал себя почти мёртвым. Страх перед смертью и вечным

пленом настолько измучил меня, что я лишился последних сил. Я забылся и очнулся уже в доме господина Тернбулла. Его люди позаботились обо мне. От них мне досталась пища и целебные снадобья. Прошел не один день прежде, чем я смог без посторонней помощи встать на ноги. Тогда то и я узнал: какова плата за милость Тернбулла, капитана гвардии лорда Незерби, ценного самим английским королем Уильямом. В один из дней я отправился вместе со всеми туда, где воины упражнялись в искусстве поединка. Там я увидел, как раб, вооруженный одним кинжалом, вышел против солдата в кольчуге и с длинным мечом. Из них двоих раб был намного выше и сильнее, но что это значит, когда у тебя всего лишь маленький, пусть и острозаточенный кусочек железа! Солдат набросился на раба, рассчитывая быстро покончить с ним, но тот ловко уворачивался от ударов и пытался дотянуться кинжалом до горла соперника. Ему не повезло – меч сделал свое дело. Смертельный удар настиг раба, когда тот был уже ранен и утратил спасительную прыткость. Такова была участь всех пленников, оставленных в живых: воины Незерби испытывали на них силу своих мечей. Также их жизнью рассчитывались за право стать гвардейцем – именно так поступил солдат, победивший в неравной схватке. И все же у раба был шанс выжить.

Десять побед в поединках со свободными людьми – такова была цена возможности покинуть замок или стать полноправным наемником. Но большинство из рабов были обречены на смерть. Никаких твердых правил в поединках не было. Все решал Тернбулл. Только он определял, кому какое достанется оружие. Гвардеец мог выпустить раба, уже одержавшего семь или восемь побед, пешим против конника, вооруженного дротиком. Чем больше побед, тем опасней схватка. Опытный боец становился живой мишенью и погибал. Далеко не все решал опыт или удача, рабам нужна была еще и благосклонность господина Тернбулла. Почти никто из них не пытался сбежать. Рабов, владеющих оружием, хорошо кормили, они могли иметь женщин и целыми днями предавались воинским упражнениям. Среди них у Тернбулла были любимцы, которых он не хотел обрекать на смерть, но и давать им шанс на свободу тоже не собирался. Они занимались тем, что обучали искусству сражаться новых рабов.

Самого лучшего из них звали Хольгер. На его счету было девять побед, и Тернбулл три года не допускал Хольгера к схваткам. Темно-русый скандинав не отличался ни ростом, ни силой. Зато он был очень подвижен. Многие из учеников Хольгера добились свободы. И хотя поговаривали, что таков тайный умысел Тернбулла, он дарил рабам ложную надежду: но никто не сомневался, что Хольгер – хороший наставник, и все стремились попасть к нему в ученики. Когда Хольгер попросил выпустить его на бой пусть даже сразу с тремя или четырьмя соперниками, Тернбулл в ответ потребовал от него воспитать преемника. Хольгер удивился – преемником мог стать любой из его воспитанников, уже успевших выдержать испытание поединками со свободными людьми. Тернбулл же в ответ указал на меня – по его воле только я мог стать преемником Хольгера. Это была еще одна уловка гвардейца, не желающего давать свободу скандинаву. Я посмотрел на Хольгера, ожидая увидеть в его глазах разочарование, но тот остался невозмутим. Он подозвал меня к себе и спросил:

- Каким оружием ты владеешь?
- Я неплохо стреляю из лука.
- Неплохо говоришь? Дайте ему лук и стрелы!

На зов мастера немедленно откликнулся один из его учеников и поднес мне лук и колчан со стрелами. Безоружный Хольгер, тело которого было прикрыто лишь холщовой рубашкой, отошел от меня на сто шагов и приказал:

- Стреляй!
- Что будет, если я попаду в тебя, мастер Хольгер?
- Попробуй.

Хольгер застыл в ожидании. Я натянул тетиву, прицелился и выстрелил. Хольгер неуловимым движением поймал стрелу и отбросил ее в сторону. Я выпустил следующую стрелу.

Хольгер успел сделать несколько шагов вперед – расстояние между нами стремительно сокращалось. Я не промахнулся, но стрела и в этот раз не достигла цели – она опять упала на землю где-то в стороне. Хольгер приближался ко мне большими прыжками. Я продолжал стрелять. Хольгер то отбивал стрелы рукой, то ловко уклонялся от них. Когда скандинав был в шаге от меня, я опустил лук, признав поражение. Хольгер вырвал лук и резко ударил меня древком по бедру.

– Ты мог еще раз попытаться убить меня, но не сделал этого!

Это был первый урок Хольгера: всегда сражаться до самого конца. Так я стал его учеником. Скандинав начал с упражнений на выносливость, владение телом и умение видеть движения соперника. Затем он учил меня сражаться коротким мечом и попадать копьем в цель. Мне пришлось метать копье в квадратную мишень, сплетенную из пальмовых волокон, сидя на гарцующем коне. Копье чаще летело мимо, чем попадало в цель, а меч, как птица, вырывался из рук. Хольгер все больше тратил времени на мое обучение. Тернбулл же сердился и жалел, что спас мне жизнь. Скандинав твердил, что потребуется всего лишь время, прежде чем я смогу проявить себя. Но господин Тернбулл предпочел отказаться от данных Хольгеру обещаний и выбрал меня для участия в поединке с кандидатами на поступление в гвардию. Перед боем мастер предупредил меня, что я послан на смерть – так решил господин Тернбулл.

Мне совсем не хотелось умирать, и я обратился с молитвой о спасении к богу Гору. В последний момент Тернбулл решил выпустить меня на поле боя в паре с сарацином. Мой напарник был опытным бойцом, и на его счету было три схватки в замке Незерби. Силы были почти равные. Всадник, вооруженный мечом и щитом, против всадника – сарацину дали коня и саблю. Я вышел против пешего воина. У меня было копье, у моего соперника – два. Кандидаты двинулись вперед. Пехотинец метнул в меня копье, но промахнулся. Я же предпочел направить копье в грудь всаднику. Тот совсем не ожидал атаки с моей стороны и не успел защититься. Наконечник копья пробил кольчугу и тяжело ранил кандидата. Он свалился с лошади прямо под ноги пехотинцу. Тот немедленно передумал сражаться и бежал с поля боя, спасая свою жизнь.

Этой победой я заслужил уважение товарищей по несчастью. Даже господин Тернбулл остался доволен мною. Он распорядился сытно накормить меня, а на исходе дня прислал рабыню. Женщина вошла в комнату, где находилось мое ложе, приблизилась ко мне и провела рукой по моей голове. Господин Мал знает, что женщины мне ненавистны, но ее ласка оказалась столь прекрасной, что я не смог ее отвергнуть. Со мной произошло то, что невозможно объяснить словами. Какая-то сила толкнула меня к ней, и я впился губами в ее губы. Я сжал ее в своих объятиях, ни за что не желая отпускать ее. Ее незащищенность сразила меня. Не сказав ни слова, она заставила меня забыть о том, где я нахожусь, и какая опасность мне грозит. Как же я был счастлив в эту ночь, и какую горечь я вкусил после пробуждения, когда увидел, что женщина покинула меня. Весь день я провел в тоске, мечтая увидеть ее лицо и вновь прикоснуться к ее шелковистой коже. Хольгер сказал мне тогда:

– Я меньше всех буду горевать в тот день, когда тебя настигнет смерть, но знай, ты познал похоть, и вместе с ней в твоём сердце поселилась пустота. Если ты не заполнишь ее волей к жизни, ты умрешь.

Его слова пролетели мимо моих ушей. С той ночи я лелеял мечту об еще одной победе, наградой за которую станет встреча с женщиной, чьи поцелуи застыли на моих губах. Я упражнялся все с большим усердием. Но в тот день, когда на поступление в гвардию лорда Незерби объявились новые кандидаты, Тернбулл не выпустил меня на поле боя и тем самым лишил меня шанса получить награду. Когда рабы под предводительством Хольгера отправились на состязания, желание увидеть женщину, даже имени которой я не знал, овладело мною со всей силой. Меня безудержно влекло к ней, и я бросился на поиски. Охваченный безумством, я проник

в дом господина Тернбулла. Рабам, переступившим порог господского дома, грозила неминуемая смерть, но ничто не могло остановить меня.

Я шел на звук женских голосов, смутно чувствуя присутствие той, ради встречи с которой рисковал жизнью. Когда пройти дальше нельзя было, не оставшись незамеченным, я скрылся за занавесью, всей силой мысли желая, чтобы та самая женщина сейчас же, вот в это мгновение прошла мимо. Благословение небесам, мое желание осуществилось! И все же прошла целая вечность прежде, чем она вошла в комнату, встала ко мне спиной и замерла, словно забыв, зачем пришла. Я отдернул занавесь и шагнул к ней навстречу. Она услышала шум и обернулась, подставив лицо солнечным лучам, проникающим сквозь огромные окна в каменных стенах. Как же она была красива в тот момент, господин Мал! Я никогда не забуду эти темные локоны, ниспадающие на смуглую кожу ее обнаженных плеч. Я смотрел в ее большие глаза, и мне ничего не хотелось, кроме как навсегда раствориться в них. Она несколько не испугалась и спокойно улыбнулась мне, как старому знакомому. Словно зачарованный, я подошел к ней, желая обнять ее. Но мое сердце было настолько преисполнено благоговения, что я был не в силах осуществить свое желание. Я стоял, не зная, что сказать, а она внимательно смотрела в мои глаза. Затем она молча прикоснулась ладонью к моей щеке. Когда я почувствовал мягкую прохладу женских пальцев, желание вернуть ту единственную ночь и вновь вкусить ее ласки стало неодолимым. Я закрыл глаза, а когда открыл их, то увидел легкую насмешку в ее взгляде. Но это несколько не задело меня, наоборот, свершилось долгожданное чудо. Неведомая сила отпустила мое тело, и мне стало легко и свободно. Женщина сняла с себя знак анкх, увенчанный распростертыми соколиными крыльями, и повесила его мне на шею.

– Это тебе, Гор. Пусть покой, блаженство и счастье навсегда поселятся в твоей душе, – и ее лицо опять озарила улыбка.

На этот раз она лучилась добротой. Женщина нежно коснулась моей головы и мягко добавила:

– Ступай.

– Скажи мне твое имя, чтобы знать, о ком вспоминать с благодарностью в сердце.

– Меня зовут Изидыда, – отвечала она, по-прежнему улыбаясь.

Счастье переполнило мое сердце. Я обрел силу и покой. Когда меня схватили на выходе из дома, я даже не дрогнул. Когда какие-то неуклюжие люди бросили меня в яму, мне это показалось всего лишь странной игрой. Я ничего не боялся. Смерть не страшила меня – страх не мог победить радость, обретенную мною вместе с анкхом, увенчанным разноцветными соколиными крыльями. Я беспрестанно разглядывал его, вызывая в памяти образ дарительницы. Я представлял ее самой доброй, самой нежной женщиной на свете. Я целовал анкх, хранивший память о женском теле, так, как будто целовал ее кожу, и сладостные воспоминания одно за другим теснились в моей голове.

В тот день Тернбулл так и не вернулся – он остался в замке лорда Незерби. Утром мне сбросили ломоть хлеба и опустили кувшин с водой. Я подкрепился и стал спокойно ждать своей участи. Неожиданно сверху показалась темно-русая голова Хольгера:

– Наш господин мертв. Лорд Незерби тоже. Ты останешься здесь, пока не прибудет младший брат господина Тернбулла. Он-то и решит, как с тобой поступить.

Хольгер исчез, а через некоторое время я вновь услышал его голос:

– Говорят, ты знаком со змеиным дьяволом – это правда?

– Никакой это не дьявол, это человек со змеиной кожей, – возразил я ему.

– Тот, кого ты называешь человеком, больше трех месяцев провисел закованным в цепи на башне смерти без пищи и воды. А когда наш господин и лорд Незерби отправились лицезреть его останки, мертвец ожил и поубивал их. На такое способен только дьявол!

До сих пор, господин Мал, я полагал, что вас уж нет на свете, а теперь я воскликнул про себя:

– Неужели мой господин жив?!

А вслух спросил:

– И что же случилось с этим дьяволом?

– Исчез. Уполз в преисподнюю, не оставив следа, – на то он и дьявол!

Вечером я получил еще один ломоть хлеба и полный кувшин с водой взамен пустого. На следующий день мне досталась только вода, но я не унывал. В те дни я только и делал, что разглядывал анкх, вспоминал Изиду, и молился богу Гору. Так продолжалось целую неделю. А вчера ночью мне приснился сон, будто бы я иду за человеком с крыльями. Присмотревшись, я узнал соколиные крылья бога Гора, расцвеченные всеми цветами радуги. Бог Гор шагал впереди легко и свободно, а я пытался ему подражать. Вдруг земля разверзлась под ногами, и во сне я упал в яму в точности такую же, в какой находился наяву.

– Вставай и иди! – услышал я голос бога Гора.

Я хотел тотчас последовать его словам, но сомнения охватили меня: яма была слишком большой и мне, наверное, будет непросто выбраться из нее.

– Не смогу, – подумал я, и тут же что-то обожгло мою грудь.

Это анкх с крыльями бога Гора вспыхнул жарким огнем.

– Вставай и иди! – повторил голос.

Я проснулся, и голос в третий раз с тем же призывом прозвучал в моей голове. Я прикоснулся к анкху – тот на удивление оказался прохладен на ощупь. Близились утро. Я посмотрел наверх: глубина ямы раза в четыре превышала мой рост. Я вцепился пальцами в землю и начал карабкаться наверх. Выбраться из ямы не составило никакого труда. Что же дальше? И откуда ко мне пришла мысль о побеге? Еще день назад я об этом и не помышлял. Покинув поместье Тернбулла, словно во сне я направился к городским воротам. Я ждал, что вот-вот кто-нибудь остановит меня и признает во мне беглеца, но все обошлось, и я достиг ворот беспрепятственно. Они открылись вместе с первыми лучами солнца – несколько всадников покидало город. Я последовал за ними – до меня по-прежнему никому не было дела, обогнул замок Незерби и вышел на дорогу, по которой мы с вами сейчас и идем, господин Мал. Она приведет нас на песчаный холм – до него уже рукой подать. В прошлый раз я взошел на него и встал лицом к восходящему солнцу. Его ослепительный свет заставил меня закрыть глаза. Меня потянуло в сон, и я прилег. Стоило мне заснуть, как я снова услышал тот самый голос:

– Это я, Гор-Ахути – твой покровитель, обращаюсь к тебе. Знай, что твой господин нуждается в помощи, и ты скоро встретишься с ним. Следуй за мной.

Бог с соколиными крыльями повел меня за собой. Мы вышли на западную сторону замка Незерби, и там я увидел озеро и башню, возвышающуюся посередине. Я увидел разорванные цепи, свисающие со стены, и догадался, что это и есть та самая башня смерти, о которой говорил Хольгер. Тогда Гор-Ахути остановился и сказал:

– Следуй увиденному, дождись ночи и встречай своего господина у берега Озера.

После этих слов я проснулся. Сомнений не было: это был Гор – мой спаситель явился ко мне, и все нужно сделать так, как он сказал. Я дошел до озера, дождался ночи и встретил вас, мой господин.

Гор замолчал, закончив рассказ, а Мал вспомнил, какой путь к обретению способности слышать голоса богов поведал ему когда-то саисский мастер: семь дней сурового поста и неустанного созерцания изображений божеств. Похоже, что именно так Гор обрел своего спасителя.

– Я прибыл из мест, где боги встречаются с людьми не во снах, а наяву, – сказал Мал. – И сейчас я хочу исполнить просьбу одного из них. Он попросил меня передать этот лук со стрелами человеку «вернувшемуся к жизни новым рождением». Это дар бога Сокола, которому ты обязан спасением и защитой.

Гор с благоговением принял подарок из рук Мала и поцеловал анкх в знак благодарности своему покровителю.

У подножия холма они сделали привал. Мал отпустил Амфала пастись, Гор рухнул на землю и немедленно заснул, Мал прилег рядом и задремал.

Проснуться его заставил пробирающий тело холод – песок за ночь впитал в себя влагу и остыл. Послышался топот скачущих лошадей. Тревожно заржал Амфал. Гор раскрыл глаза. Мал поднялся на ноги и увидел, что они окружены тремя десятками всадников. Шаровары, длинные кафтаны, подпоясанные кушаком, тюрбаны и остроконечные шлемы на головах указывали на их арабское происхождение. Но ведь Хуфтор говорил, что мусульмане избегают халдейских земель, неужели он ошибался?

– Я и мой оруженосец сбились с пути, – обратился к арабам Мал. – Может быть, вы нам покажете дорогу в город Айя?

На несколько шагов вперед в сопровождении четырех телохранителей из отряда выехал всадник в белом облачении. Мал встретился с ним глазами. Русые волосы резко выделяли белого всадника среди арабов. Это был высокий, могучего сложения человек, с мощными ногами и сильными руками, крупными и подвижными чертами лица, обтянутого потемневшей под солнечными лучами кожей. И он как будто узнавал Мала.

– Амир аль-Хидр, неужели это ты? – наконец, воскликнул он. – Я не верю своим глазам!

Мал по-прежнему не мог его вспомнить.

– Клянусь пророком Мухаммедом, ты не узнаешь меня!

– Не узнаю, – подтвердил Мал.

Он оглянулся на Гора в надежде, что тот подскажет ему имя пришельца, но юноша только пожал плечами.

– До сих пор мы виделись с тобою только дважды. Я – Фарид Ол – амир султана Египта аль-Азиза, да благословит его Аллах. Теперь ты узнаешь меня?

Мал вспомнил, что и в самом деле уже встречал русоволосого мусульманина: первый раз в голландском гарнизоне вблизи Сира, второй – в доме шейха Асхаба, где они останавливались на пути в город Грек.

– Теперь я узнал тебя, благородный амир.

– Если ты следуешь в город Айя, то я приглашаю тебя отправиться вместе со мной, – Ол старался быть как можно более любезным и доброжелательным. – Я еду на восток в Сабю, и мой путь как раз пролегает через этот город.

– Я охотно принимаю твое приглашение, – отвечал Мал.

– Благодарю тебя, Аллах, за то, что даровал мне встречу с благородным аль-Хидром, – воздев руки к небу и закатив глаза, проговорил Ол.

– Позволь попросить тебя об одном одолжении?

– Слушаю тебя, аль-Хидр.

– Не найдется ли у тебя питья и еды для меня и моего оруженосца?

Фарид Ол хлопнул в ладоши, приказывая расставить шатер. Когда все было готово, Ол пригласил Мала отведать фруктов, орехов, мяса и вина. Принц не стал себя ограничивать в еде, а недавно постившийся Гор съел только горсть сушеных абрикосов. После трапезы отряд отправился в путь, пролегающий вдоль Северного канала. Мал сел верхом на Амфала, а Гор взгромоздился на одного из верблюдов Ола. Он восседал между горбами на выгнутом седле, по обеим сторонам которого были закреплены небольшие клетки, наполненные съестными припасами и питьем: водой, медом, козьим молоком.

– Я знаю о том, что ты был пленником замка Незерби, – заговорил Ол с Малом. – Король Уильям нам поведал об этом. Как же тебе удалось выжить?

– Такова была воля богов.

– Выходит, ты променял веру в пророка Ису на веру в древних и коварных богов Египта?

– Я как раньше верил в Господа нашего Иисуса Христа, так верую в него и сейчас.

– Как же твой разум может вмещать веру в кого-нибудь еще, кроме пророка Исы?

Мал понимал, что Ол не поверит, если услышит рассказ о том, что ему пришлось видеть египетских богов своими глазами и даже говорить с ними. Вместо ответа на вопрос он сказал:

– Могу только сказать, что я также благодарен судьбе, что она именно тебя ниспослала мне в попутчики, а не моих братьев-христиан. Не думаю, что они отнеслись бы ко мне столь же миролюбиво, как ты.

Ол оживился.

– Быть может, для тебя пришло время открыть глаза для истинного света? Великий султан аль-Азиз, щедрость которого бесконечна, с радостью увенчает твое чело тюрбаном. Я слышал, как ты разрушил город Крак. О тебе повсюду разносится слава, как о воине могучем как лев. Тебя боятся и тобой восхищаются. Султан вознаградит тебя за отвагу и неукротимое мужество – даю тебе слово служителя пророка! Что скажешь, амир аль-Хидр?

– Я верю тебе, благородный Ол. Я вижу, что ты и сам родом из чужеземного племени, но твое происхождение не помешало стать тебе амиром султана.

– Ты прав – мои предки живут в далекой северной стране. Когда-то давно датчане убили моего отца, а меня продали в рабство. Милостивый султан сжалился над моей заблудшей душой и направил ее на путь истины. За верную службу он наделил меня землей, властью и титулом. Он нашел меня нищим, и по своей воле обогатил и возвысил меня. Если я – белый мамлюк-невольник обратился в военачальника, неужели ты, ведомый благородными помыслами, не сможешь обрести достойный тебя почет и благополучие. Бесстрашие и преданность ценятся повсюду.

– Если бы султан, столь щедро расточающий дары, мог воскресить мою возлюбленную, тогда бы я подумал над твоим предложением... Лучше скажи мне, что привело вас в эти края? Ведь, насколько мне известно, мусульмане избегают халдейских земель.

– В Незерби мы заключили мир с франками. Король Англии уже скрепил печатью договор, и теперь мы возвращаемся в Вавилон к султану аль-Азизу.

– С каких это пор королю Уильяму принадлежит главенство в союзе западных монархов?

– С тех самых пор, как король Иерусалима Конрад пал от кинжала хашшишина.

– Какие еще события успели случиться в мире за то время, пока я был в плену? – заинтересовался Мал.

– Твоим единоверцам пришлось опрометью бежать из городов Сабии. Те из христиан, кто укрылся в Нибуре – остались в живых, те же, кто искал спасения в Иерусалиме – нашли свою погибель. И этот город пал под натиском наших войск.

– Выходит, что вся Сабия, за исключением великого Нибура, подчинилась стягу полумесяца? – Мал все еще не мог до конца поверить словам Ола.

– Да, – подтвердил амир султана аль-Азиза.

– Но почему мир заключен здесь, а не в городе государей Сире?

– В Сире – чума, и занесли ее туда христиане.

– И лишь поэтому вы снарядили отряд в Халдею – «в земли, где царят раздоры»?

– Халдея для мусульман – неприкосновенна. За исключением города Айя она останется христианской, тогда как Сабия, за исключением Нибура, всегда будет мусульманской.

– Но ведь Айя и без того принадлежала как христианам, так и мусульманам?

Все изменилось: теперь оба берега озера Айя принадлежат султану аль-Азизу.

– А как же мудрые братья-близнецы из рода Иниотеф? Что с ними случилось?

– Они сложили с себя полномочия правителей города.

– Никогда не поверю, что они сделали это по собственной воле.

– Когда войско султана аль-Азиза вошло в Айю, по городу распространился слух, что исполненные добродетели братья-близнецы Иустин и Инсаф ушли в море и не вернулись. Раз-

бойники тотчас хлынули в город Айя и, уверенные в своей безнаказанности, принялись бесчинствовать по обоим берегам озера. Султан аль-Азиз стал терять корабли и людей. Франки ничего не предпринимали, чтобы навести порядок, потому как, судя по всему, были заодно с ворами и пиратами. Султану ничего не оставалось делать, как назначить в Айе своих наместников.

– И что же произошло дальше: христиане признали новую власть?

– Безумная идея похода к пустой гробнице разбилась как неф, наскочивший на коралловые рифы. Силы франков подорваны войной, и им ничего не остается, как смириться с поражением в Египте и на Святой земле. Они жаждут мира, как дождя в годину засухи. Только так они смогут сохранить Халдею – землю одиноких замков.

– Бесславные походы! – подумал Мал. – Не место смерти, а место жизни Христа, его обитель – вот что спасет честь воинов, принявших крестоносный обет!

Дорога резко свернула в сторону Айи. Воздух стал еще более влажным. Над поверхностью вод Северного канала колыхались заросли камышей. Кое-где возвышались покрытые зеленью островки суши. С них стремительно взмывали в небо длинноногие журавли.

Первым наступившее молчание нарушил Ол:

– Так куда же ты держишь путь, амир аль-Хидр?

– Я следую в город Мемфис.

– Не тот ли, что ныне зовется Дамиеттой?

– Нет, я еду в тот, что находится в Галаре.

– Приходилось ли тебе бывать там?

– Нет.

Ол неожиданно расхохотался, а потом снова принял серьезное выражение лица.

– Значит, ты не знаешь, что в Мемфисе царят порок и хаос.

– В этом случае у жителей города всегда остается шанс на установление порядка, в то время как у жителей городов, где правят наместники султана аль-Азиза, нет никаких шансов изменить свою жизнь.

– В своем уме ты думаешь о галарском Мемфисе лучше, чем он того заслуживает. Мудрые люди говорят, что этот город послан в назидание христианам и мусульманам, чтобы они видели, как в человек сгорает от страсти и похоти, как развращается его ум и гибнет душа.

– Что же такое происходит в галарском Мемфисе?

– Его жители не ведают об истинном Боге. Их невежество достойно лишь сожаления. Я был там и своими глазами видел, что люди в Мемфисе живут подобно скотам. Дикие и своевольные горожане поклоняются азарту, похоти и чревоугодию, и ни в чем не знают меры. Они не живут семьями, у них общие дети. Их лица скрывают безобразные маски. Ими до такой степени правит гордыня, что они не могут уняться, выдумывая все новые способы как бы украсить, получше отделать свои наряды. Их заповеди: подчинись случаю, стремись к свободе и наслаждайся жизнью. Я жил там с чувством, что попал в ловушку, обволакивающую душу подобно паутине. И мой разум никак не мог понять, где находится паутина, и где тот паук, который собирается вонзить в меня ядовитое жало. Что же ты ищешь в этом предательском городе?

– Спасибо, что предупредил меня. Если мне придется оказаться в Мемфисе, то постараюсь в нем не задерживаться. Я намерен в его окрестностях посетить святое место, о котором, следуя данному мной обещанию, не могу тебе поведать.

Ол неожиданно замолк, и разговор прекратился.

Вечером Ол приказал остановиться на привал. Арабы помолились и зажгли шесть костров. У одного из них и расположились Мал, Гор и Ол неразлучный с телохранителями. После вечерней трапезы шестеро арабов встали спиной друг к другу и под ритм барабана начали поединок с невидимым врагом. Это был воинственный танец, в котором клинки в руках ара-

бов вращались, следуя за ритмом, то быстро, то медленно. Танцоры без устали окружали невидимку, путали его ложными выпадами, и, наконец, одновременно пронзили мечами пустоту.

– Они поразили бесплотного духа зла, – пояснил Ол, – дабы он не явился, пока мы спим, и не застал наши души врасплох.

На следующий день Гор повесил лук за спину – он не только восстановил силы, но и сумел приспособиться к путешествию на верблюде. Он покачивался в седле в такт ритмично вышагивающему животному. Верблюжья качка заставила его погрузиться в себя. Гор стал отчужден. Он прислушивался к разговорам арабов, хотя и не понимал их языка, и не говорил ни слова. Мал догадывался, что юношей овладела тоска по женщине, усиливающаяся с каждым днем разлуки. Он видел, что мальчишеские наивность и жизнерадостность исчезли без следа. Гор стал вял и рассеян. Он словно бы отстранился от всего происходящего вокруг. Его взгляд был постоянно устремлен куда-то вдаль.

Мал ничем не мог помочь Гору. Судьба избавила Принца от чувства безнадежного одиночества и невыносимой тоски по утраченной возлюбленной. Отчаяние и страх потеряли власть над ним. Мал был занят тем, что искал разговора со змеем. Перед тем как заснуть, он неизменно удалялся в сторону от лагеря и обращался к чудовищу, надеясь все-таки узнать содержание договора, заключенного змеиным родом с его первопредком. Мал хотел знать, что именно он должен змею? Но его призывы были тщетны. Мал ждал, что змей ответит ему во сне и пробуждался посреди ночи с ощущением невыносимой усталости. Мал не помнил снов и не понимал, что с ним происходит. Он не знал, отчего змей не желает говорить с ним, и ему больше ничего не оставалось делать, как ждать.

Путь к городу Айя, пролегающий вдоль северного канала, в отличие от того, которым их когда-то вел Хуфтор, оказался и в самом деле намного длиннее, безопаснее и однообразнее. Лишь иногда им встречались те самые одиноко стоящие замки, которыми была так знаменита Халдея. Арабы ежевечерне повторяли ритуал поединка с духом зла, и так проходил день за днем, пока Ол не объявил, что завтра они прибудут в Айю.

Утро нового дня началось как обычно. Арабы сотворили молитву, после чего наступило время утренней трапезы. Мал заметил, что Ол чем-то сильно удручен. Отягощенный печальными думами, амир султана аль-Азиза не притрагивался к еде и продолжал шептать слова молитвы. Подождав, пока Мал насытится, Ол пригласил его прогуляться. Едва они отделились от лагеря на сто шагов, Ол остановился и заговорил:

– Я еще раз спрашиваю тебя, амир аль-Хидр: желаешь ли ты встать под победоносные знамена великого и мудрого султана аль-Азиза?

– Нет. Зачем нести ношу, которая мне не по нраву?

– Я всего лишь предлагаю тебе спасти свою заблудшую душу от мучительного наказания, – покачал головой Ол.

– Малу послышались в голосе амира пренебрежительные нотки.

– Твои старания излишни.

– Это твой окончательный ответ? – уточнил Ол.

– Да, я так решил.

– Что ж, не бывает принуждения к вере. Каждый волен сам избирать свою судьбу. Как же я был рад, когда наши жизненные пути так неожиданно пересеклись, – с тоской проговорил Ол. – Но теперь я сожалею об этом. Ты отказался присягнуть на верность султану, и я вынужден... – Ол дал знак телохранителям: двое из них схватили Мала за руки, третий приставил к его горлу кинжал, четвертый остался стоять рядом с Олом. – Я вынужден предать тебя в объятия смерти. Аллах свидетель, я мог убить тебя много раз во время пути, но мне хотелось сохранить тебе жизнь и дать твоей душе шанс на спасение.

– Лучше скажи, кто из западных королей пообещал заплатить тебе за мою смерть? – спокойно спросил Мал.

Арабы разоружили его и поставили на колени. Ветер ударил коленопреклоненному принцу в лицо.

– Твое сердце поражено болезнью, – объяснил Ол. – Я казню тебя по воле создателя. Я защищаю веру Мохаммеда. Он не может допустить, чтобы твоя нога ступила на землю города Айя. Пророк сказал: «Придет аль-Хидр с запада, и Египет падет. Древние джины вернуться на землю. Аль-бахр выйдет из берегов и многие города будут поглощены водою». Ты – аль-Хидр, ты – враг мусульманской веры. Тебя ждет карающая десница. Молись всем своим богам, чтобы они спасли твою душу после смерти.

– Я всегда готов к смерти, – равнодушно отозвался Мал.

Он и в самом деле был не против расстаться с жизнью в надежде, что его душа тотчас полетит напрямик к Маргарите. Раз все сильные мира сего жаждут его смерти, пусть их желание исполнится. Ему самому от этого будет только легче.

– Чего же ты ждешь? Сотвори благое дело!

Земля задрожала от топота лошадиных копыт. Мал подумал, что арабы уже седлали лошадей и собираются воссоединиться с предводителем.

– Я хотел услышать твою предсмертную молитву, но похоже, что существам, порожденным Эблисом, они неведомы... – начал произносить Ол и вдруг резко отлетел в сторону и упал ничком.

Во вздымающихся клубах пыли, озаренный солнечным сиянием, на том месте, где только что стоял Ол, возвышался Амфал и грозно поглядывал на арабов, удерживающих Мала. Из гневно раздувающихся ноздрей пошел дым с резким запахом серы. Телохранители Ола закрыли рот, нос руками и закашлялись. Амфал ловко свалил ударом копыта араба, завладевшего клинком Мала, и принц вернул себе меч Рамзеса. Тот немедленно принял форму двуручной кривой сабли.

К месту стычки мчались остальные арабы. Они скакали, на ходу обнажая сабли, целясь в Мала из луков и подбадривая себя боевыми кличами. Амфал кинулся им навстречу. Невысоким прыжком он оказался в самой гуще скачущих во весь опор всадников. Из его пасти вырвалось огненное дыхание. Конь вступил в битву с людьми и принялся разить их острыми копытами и хлестать хвостом. За ним в бой кинулся и Мал. Едва он стащил с лошади первого попавшегося араба, как в грудь ему вонзилась стрела. Мал вздрогнул, но не почувствовал боли. Со стрелой в груди он вскочил на захваченную лошадь и, пригнувшись, укрылся за головой животного от других летящих стрел. Но тут же был вынужден выпрямиться, чтобы отбить мечом атакующий удар. Ответный выпад Мала был таков, что легко мог снести напавшему на него арабу голову. Но тот успел прикрыл шею щитом. От мощного удара тюрбан соскочил ему на глаза. Мал парировал выпад еще одного араба, но пропустил удар третьего. Сабля резанула по змеиному торсу. Мал откинулся назад, потерял равновесие и чуть не упал с лошади. Он изо всех сил сжал бока животного ногами и удержался. Не глядя Мал взмахнул мечом Рамзеса и почувствовал, что прорезал чью-то плоть. Перед его глазами сверкнул клинок. Прямо на глазах рассеченный страшным ударом лошадиный череп раскололся надвое. Животное упало на колени. Залитый кровью Мал соскочил на землю. Кто-то нанес ему мощный удар в спину, и принц упал. На помощь Малу устремился Амфал. Он безжалостно затапывал павших, обдавая врагов пламенем и смердящим дымом. Конь то яростно рычал, то шипел по-змеиному, отгоняя от Мала вражеских лошадей и верблюдов. Их седоки были настроены решительно, но испуганные лошади тревожно ржали и вставали на дыбы, а верблюды ревели и рвались прочь. Мал поднялся на ноги. Ему было нестерпимо жарко. Над землей нависли серые клубы удушающего дыма, от которого арабы заходились в кашле. Несколько человек, спешившись, решительно побежали к нему с копьями наперевес. Мал приготовился отразить их атаку. Один из арабов, страшно хрипя, подкатился ему под ноги. От неожиданности Мал не удержался на ногах. Другой араб, верхом на верблюде, ринулся, чтобы прикончить повер-

женного противника. Мал успел вскочить на одно колено, изловчился подрубить верблюду ноги, и едва увернулся от рухнувших наземь животного и его седока.

Сражение было в самом разгаре. Арабы продолжали наступать. По змеиному торсу скользнул наконечник копья. Принц сначала разрубил древко пополам и схватился за ту часть, которая все еще находилась в руке атакующего. Мал рубанул ему по плечу, рассекая одежду, а затем плоть и кость. Перед его глазами замелькали острозаточенные сабли, рука то и дело взлетала вслед за мечом Рамзеса, отражая беспрестанно обрушивающиеся на Мала удары. Наконец, оставшиеся в живых арабы отступили и стали скакать вокруг принца, обстреливая его из луков. Мал стоял, широко расставив ноги, стиснув меч обеими руками. Он ждал новой атаки, но никто из арабов не решался приблизиться. Две стрелы вонзились Малу в тело, не причинив боли – одна в живот, другая в спину. Третья стрела просвистела совсем рядом, задела ухо и на плечо Малу брызнула его собственная кровь.

– Бейте в голову! – яростно закричал удачливый лучник.

Его воинственный крик превратился в вопль отчаяния. Неизвестно откуда взявшаяся змея впилась меткому арабу в ногу. Он умер почти мгновенно. Сквозь дым Мал разглядел Гора. Тот натягивал тетиву лука и выпускал стрелы одну за другой. Арабы закрывались от них щитами. Стрелы падали на землю и обращались в змей. Ползучие гады, лязгая омытыми ядом зубами, стремительно бросались в толпу. Поле битвы превратилось в круговорот взбесившихся лошадей и перепуганных всадников.

Когда все было кончено, Мал вложил меч в ножны и безболезненно вытащил стрелы, торчащие из змеиного торса. Правое ухо ныло и кровоточило – мочку разодрал наконечник арабской стрелы. Руки и ноги были усеяны мелкими ссадинами и порезами. Одежда превратилась в окровавленные лохмотья.

Мал увидел Ола и подошел к нему. Тот успел очнуться и своими глазами увидеть побоище. У него были переломаны кости, он с трудом дышал.

– Я думал, что в твоём сердце живет змей, – сказал Ол, – но я ошибался, чудовищам внутри тебя нет числа. А я всего лишь глупец, одержимый гордыней. Я думал справиться с тобой в одиночку, и был наказан. Прошу, аль-Хидр, убей меня. Я не выдержу позора.

– Я не убиваю безоружных.

– Если ты сохранишь мне жизнь, то клянусь Всевышним, я буду стоять на твоём пути, пока не отрублю тебе голову и не скорблю твоё тело стервятникам, – Ол стиснул зубы. – Я это сделаю, не сомневайся.

– На все Божья воля, – сказал Мал. – Гор, готовь лошадей!

Юноша не выпускал из рук лук с натянутой тетивой – он взмок, его била сильная дрожь. Ол резко вскрикнул. С его груди сползла змея. Зрачки Ола налились кровью, его губы скривились в презрительной усмешке. Амир застонал и угрожающе вскинул над головой кулак. Мал отвернулся и увидел поле боя, усеянное змеями.

– Уползайте прочь! – потребовал Мал.

Но змеи не подчинились его приказу. Они были заняты тем, что умерщвляли выживших в сражении. И только когда последний араб испустил дух, ползучие гады исчезли в водах канала.

Дым постепенно рассеивался. В воздухе повисла жуткая тишина. Мертвые тела арабов с выпученными глазами, перекошенными ртами, залитые кровью, измазанные в дерьме и блевотине лежали в странных, неестественных позах. Лица мертвецов застыли с масками невыносимой боли и отчаяния. Отвратительно пахло жженым мясом. Мал почувствовал горечь во рту и сплюнул:

– Змей, ты желал отведать смерти. Ты получил то, что хотел?

Змей молчал. Амфал как ни в чем не бывало, пощипывал траву чуть в стороне. Мал не успел седлать его с утра, и незащищенные бока Амфала кровоточили от ран. Сейчас он

почти ничем не отличался от обычной лошади. И только немигающие глаза, пристально наблюдающие за Малом, выдавали в Амфале коня божественного происхождения. Принц погладил его по гриве.

– Благодарю тебя!

Амфал недовольно фыркнул и попятился. Мал догадался, какой благодарности ждет от него конь, питающий отвращение к городам смертных:

– Ступай туда, откуда пришел – я не держу тебя больше.

Амфал и в самом деле ждал этих слов. Радостно заржав, он поскакал прочь.

Мал подошел к Горю и дружески положил ему руку на плечо:

– Благодарю и тебя, мой защитник!

– Я тут ни при чем, – завертел головой Гор. – Эта победа принадлежит не мне, мой господин, а другому Горю. Я всего лишь ваш верный слуга.

– Вот именно, – подхватил Мал, – твоя верность заслуживает похвалы.

– Мы перебили всех провожатых, – растерянно произнес Гор. – Как же мы без них найдем дорогу?

– Они нам больше не нужны. Поедем, как и прежде, вдоль канала. Так мы доберемся до города Айя.

– А потом?

– Дальше наша дорога лежит в Мемфис.

– Что будет, если кто-нибудь узнает вас в Айе?

– Пусть. Пергамент, на котором начертан мирный договор между мусульманами и христианами, откроет нам любые двери.

Мал без труда обнаружил договор и поручительство султана в шатре, где ночевал Ол. Здесь же он нашел ларец с монетами и дамасский клинок с рукояткой, отделанной золотом и драгоценными камнями.

Перед тем как отправиться в дорогу, Мал скрыл змеиный торс под доспехами, которые снял с одного из телохранителей Ола. В лагере он подобрал длинный плащ. Ничего больше подходящего найти не удалось. Гор, у которого до сих пор тело прикрывала только набедренная повязка, тоже нашел для себя плащ. Кроме того, ему достались кушак и штаны. Подпоясавшись, он прицепил к поясу саблю, а к седлу лошади – пару дротиков. Снарядившись едой, водой, шатром, стрелами, Мал и Гор двинулись в Айю. К полю, где только что окончилась битва, на обильное угощение, состоящее из трупов людей и лошадей, стекались шакалы.

Глава IV—V. Амун и Амунет – дети солнца

В Айю прибыли после полудня. Здесь возвышались все те же песчаные холмы с домами на вершинах, а возле широкой пристани на берегу реки стояли два десятка кораблей. Гор оживился и приподнялся на стременах. Глаза его загорелись.

- Страсть к женщине не убила в нем мечту» – отметил про себя Мал.
- Господин, вот если бы мы встретили здесь «Геракла» или «Тифона» с Медеей»?
- Кто знает, куда они ушли, не дождавшись нас, – откликнулся Мал.

Прежде чем отправиться на поиски постоянного двора, путники, следуя обычаю установленному Хуфтором, зашли на рынок, где купили себе по кафтану, шароварам и чалме. Принц выбирал одежду так, чтобы как можно меньше привлекать внимание жителей города Айя. Он переоделся на постоялом дворе и попросил местного мальчишку-слугу сходить на пристань и подыскать корабль, следующий в Галару или Сабюю. На что юнец рассказал о капитане, проживающем на постоялом дворе, и отправляющемся завтра в Нибур – с ним можно встретиться прямо сейчас. Мал и Гор немедля спустились в общую залу, где постояльцы собрались на вечернюю трапезу, и мальчишка указал на бородатого араба в пестрых шелковых одеждах. Принц сунул слуге монету и направился к столу, где сидел капитан. Мал спросил его напрямую:

- Слышал, что идешь в Нибур. Возьмешь на корабль меня и моего слугу?
- Капитан поднял брови и, оглядев Мала с головы до ног, поморщился:
- Франки?
- Да, мы – франки, и мы умеем платить звонкой монетой.
- Хорошо, франки, – усмехнулся капитан, – сотня динаров, и я возьму вас с собой.
- Согласен.
- А господин не передумает? – продолжая усмехаться, спросил капитан.
- Гор, отсчитай капитану полсотни динаров.
- Какой хороший франки! – глаза бородача заблестели.

Гор достал деньги, а капитан, радостно кивнув, сунул руку в складки одежд и вынул оттуда кошель. Он развязал петлю и прибавил к своему состоянию пятьдесят монет.

- Этот человек – обманщик и вор, – промелькнула мысль в голове Мала, – жадность погубит его.
- Выходим в море завтра с рассветом, – объявил капитан и объяснил, где стоит его корабль.

Небольшое торговое судно отходит от берега, и Мал чувствует, что ему чего-то очень сильно не достает – что-то очень важное он оставил на берегу. Паруса наполняют воздух, Мал смотрит на удаляющийся берег и пытается вспомнить, что же такое он забыл. Его взгляд падает на собственное тело, и Мал видит, что оно стало полностью человеческим – на том берегу остался никто иной как змей. Вот что влечет его вернуться назад.

- Как это могло произойти? Змей нужен мне, без него я не попаду в обитель Христа, – решает Мал.

Без колебаний он прыгает в море, чтобы воссоединиться со змеем.

Как только Мал коснулся поверхности воды, то проснулся и тут же оглядел себя. Змеиная кожа по-прежнему покрывала большую часть его тела.

- Нет, змей не покинет меня, – успокоил себя Мал. – Мы связаны договором, я – данник змеиной силы. Но что именно я должен?

Мал закрыл глаза:

- Змей, ты слышишь меня?

Но змей не отвечал ему. Мал не понимал, почему он молчит. Ждать не имело смысла – змей никогда наяву первым не обращался к нему.

Близился рассвет. Мал разбудил Гора. Одевшись, они отправились к пристани. Но корабля, капитану которого они заплатили пятьдесят динаров, уже не было. Как выяснилось, он покинул город еще ночью. Мал удивился только тому, что доверился человеку, заранее зная о его склонности к обману. Путники нашли нового капитана, который собирался вести корабль в один из неизвестных Малу городов Сабии. Отплытие снова было назначено на утро завтрашнего дня.

На рассвете Мал и Гор стояли на борту корабля и ждали капитана, но тот не спешил появиться. Помощник капитана спустился на берег выяснить, что случилось. По возвращению он сначала подошел к матросам, что-то сказал им, и те, переругиваясь между собой, принялись вытаскивать из трюма тюки и ящики.

– И где же капитан? – спросил Мал помощника.

– Его нигде не могут найти. Хозяин постоялого двора говорит, что капитан ночью напился вина, после чего отправился спать, а утром никто не видел, как он покинул свою комнату.

– Почему матросы выносят товар?

– Один из торговцев обеспокоился отсутствием капитана и расторг с нами сделку.

– И что будет дальше?

– Команда готова к отплытию. Но без капитана мы не сможем покинуть берег Аيي. Придется его разыскивать.

– Мы будем ждать на постоялом дворе. Найдите нас, как только все прояснится.

Мал и Гор покинули пристань. Таинственное исчезновение капитана взволновало Гора.

– Мой господин, не прознал ли он что-нибудь про вас?

– Не думаю. Здесь что-то другое. Давай подождем.

– Жаль, что с нами нет капитана Оцеано.

– Жаль, что ты всего лишь юнга.

– Дайте время, господин, и я обучусь морскому делу, – с готовностью пообещал Гор.

Они ждали известий еще полдня. Наконец, на пороге комнаты появился матрос и сообщил, что капитана нашли в одной из бывших христианских церквей:

– Капитан сказал, что не может взять вас в море.

– Почему? – спросил Мал

Матрос развел руками:

– Не знаю. Сегодня ночью с ним что-то произошло. Он напуган и не выходит из мечети. Молится. Рыдает. Бьет поклоны Аллаху.

Еще одного капитана найти не удалось. Слуга обошел все корабли, стоящие на пристани, и вернулся встревоженный.

– Ни один корабль не может взять вас с собой, – сказал мальчик, не глядя Малу в глаза.

– Что случилось? – спросил принц.

Он понимал, что слуга лжет ему. После короткого молчания мальчик нехотя произнес:

– Наместник султана аль-Азиза в Айе шах Салах получил известие о том, что проклятые франки убили амира Фарида Ола.

Похоже, что мальчишка, угадав в Мале иноземца, не желал больше помогать ему. Принц и сам мог бы найти корабль, принадлежащий если не франку, то египтянину или греку, но только что услышанные слова заставили его передумать. Как мог он забыть, что от него зависела судьба христиан, на которых мог обрушиться гнев Салаха. Как правоверный мусульманин тот мог провозгласить джихад и убить ни в чем неповинных людей. Мал отпустил слугу и принял решение:

– Гор, я пойду во дворец шаха. Пришло время показать ему договор о мире между христианами и мусульманами. Если я не вернусь, слушайся своего спасителя. Бог Гор не оставит тебя в беде.

– Я выполню вашу просьбу, мой господин, – решительно отвечал Гор. – Но если мне суждено умереть, то я хотел бы умереть рядом с вами.

– Не бойся, Гор. Боги спасли нас не для того, чтобы сразу лишить жизни.

Взяв с собой ларец с договором и клинок Фарида Ола, Мал пешим ходом направился во дворец наместника. У ворот его остановила вооруженная пиками стража.

– Передайте Салаху, что амир аль-Хидр желает видеть его и говорить с ним, – объявил Мал.

Через некоторое время стражники окружили его и сопроводили во внутренний двор. Оттуда они вошли в просторную с высокими потолками галерею и проследовали в тронный зал. На входе Мал разоружился.

Шах Салах восседал на троне в окружении свиты. Лицо одного из тех, стоял рядом, показалось Малу знакомым. Похоже, что это был воин из отряда Ола. Выходит, что амир по приближению к Айе отправил гонца, чтобы возвестить о своем возвращении.

– Ты – человек, называющий себя аль-Хидром? – спросил шах.

– Это он, повелитель, – шепнул Салаху гонец.

– Я – амир аль-Хидр. Я доставил тебе договор о мире между христианами и мусульманами, скрепленный печатями султана аль-Азиза и короля Уильяма.

Мал вручил ларец слугам Салаха. Те поднесли ларец шаху и раскрыли его. Салах пробежал глазами пергамент. Гонец что-то шепнул ему, и шах уставился на Мала.

– Скажи, амир аль-Хидр, кто убил Фарида Ола?

– Я – ответил Мал.

Он решил не тратить время на описание того, как Ол умер от укуса змеи, в которую обратилась стрела, спущенная с тетивы лука Гора.

– В зале поднялся возмущенный шум. Шаху поднесли клинок Фарида Ола.

– Узнаю эту саблю, – сказал Салах. – А что же остальные?

– Они приняли смерть, защищая благородного амира.

– Не хочешь ли ты сказать, что в одиночку справился со всеми?

– Мне помогал мой слуга.

– Я знаю, что ты отважный воин. Но скажи, амир аль-Хидр, как два человека смогли одолеть тридцать мужей, до сих пор не знавших поражений.

– Мы оказались сильнее, – спокойно отвечал Мал.

– Ты пришел испытывать мое гостеприимство? – раздраженно спросил шах.

– Я пришел просить у тебя корабль, который перевез бы меня на другой берег. За это я верну тебе мирный договор между христианами и мусульманами.

– Ты получишь корабль, но сначала расскажи о гибели Фарида Ола.

– Он предложил мне вступить под победоносные знамена султана. Я отказался. Тогда благородный Ол поведал мне о зловещем для мусульман пророчестве, связанным с моим именем, после чего объявил, что собирается казнить меня. Так что я защищал свою жизнь.

– И это все?! Мои люди говорят, что тела убитых были обожжены. Выходит, им пришлось сражаться с вызванными тобой демонами Эблиса?

– Позволь мне умолчать об этом, шах Салах.

– Правда ли, что твое тело покрыто змеиной кожей?

– Это так.

Увидев сомнение во взгляде шаха Салаха, Мал развязал кушак и распахнул кафтан. Наместник отшатнулся, его лицо скривилось, приближенные шаха зашептались между собой. Выждав некоторое время, Мал запахнул халат и подвязался. Он видел, что Салах по-прежнему сомневается: с одной стороны ему не хотелось просто отпускать Мала, и в тоже время он опасался применять к нему силу. Советники шаха все до единого были напуганы. Мал же был спокоен. Он ничего не боялся.

– Амир аль-Хидр, я найду для тебя капитана и корабль, а пока будь моим гостем, – наконец выдал из себя Салах.

Мал поклонился и покинул тронный зал. За ним на почтительном расстоянии проследовали воины Салаха. На выходе Малу вернули меч Рамзеса и предоставили его самому себе. Принц принялся прогуливаться в полумраке галереи, наслаждаясь прохладой и созерцающая колонны, выполненные старыми мастерами Египта. Они были изобретательно украшены барельефами в виде цветов папируса, висящих вниз головой уток, а также пальмовых листьев. Неожиданно, за спиной он услышал женский голос:

– Спаси меня!

В груди у Мала из всех сил заколотилось сердце. Он оглянулся и в полумраке разглядел знакомое лицо. Это была Маргарита.

– Не может быть! Откуда она здесь?! Ее все-таки пленили! – Мал был в полном смятении.

Закутанная в шелковую ткань, она стояла, одной рукой обхватив колонну, другой приподнимая паранджу. Девушка отвернула голову в сторону и опустила глаза.

– Что случилось? Неужели она боится меня? Но почему? – недоумевал принц. – Я освобожу ее, чего бы мне это не стоило!

Мал подошел к ней и немедленно почувствовал жар в груди. Он словно бы горел изнутри. Ему не хватало воздуха.

– Идем со мной! – Мал протянул руку.

Она взяла ее и опустила паранджу. Мал повел девушку к выходу. Во внутреннем дворе их встретили люди шаха Салаха. Они с тревогой провожали их взглядами. У ворот на Мала и девушку наставили пики. Голосом, не терпящим возражений, принц произнес:

– Немедленно пропустите нас!

– Но господин... – начал было отвечать начальник стражи.

– Немедленно! – глухо повторил Мал и не узнал собственный голос, – если вам дорога жизнь!

Мал вынул меч Рамзеса, и тот принял форму двуручной сабли. Начальник стражи оторопел:

– Небесный властитель! Пропустите их!

Они вышли из дворца и направились напрямиком на постоялый двор. Те, кто встречался им на пути, либо уступали дорогу, либо замирали не в силах двинуться с места. Находились и такие, что решались следовать за Малом и девушкой по пятам. Принц шел, не оглядываясь. За воротами постоялого двора никого не было. Гор еще спал. Он открыл глаза, как только Мал вошел в комнату, и тотчас же вскочил на ноги.

– Седлай лошадей и верблюда, – распорядился принц.

Гор поспешил исполнить приказ. Мал повернулся к девушке, в нетерпении откинул паранджу и на мгновение застыл, пораженный увиденным. Спасенная очень походила на Маргариту, но не была ею. Тонкая полупрозрачная ткань до сих пор скрывала блестящие от слез глаза, бледные щеки, тонкий прямой нос и светлые волосы.

– Твое имя, госпожа? – холодно спросил Мал.

– Елена, – отвечала девушка.

– Кто ты?

– Я – жена Салаха, – с тоской произнесла Елена.

– Как же я мог принять ее за Маргариту? – подумал Мал. Принц вспомнил, что в тот момент, когда впервые увидел ее, у него не промелькнуло и тени сомнения.

– Зачем ты пошла со мной?

– Я ненавижу Салаха. Он отвратителен мне. Шах насильно сделал меня одной из своих жен. Я мечтаю только об одном: вернуться в Грецию – это моя родина. Умоляю вас, господин, помогите мне!

Мал задумался. Он уже хотел было отвести ее обратно во дворец и вернуть Салаху, но слова, только что сказанные девушкой, заставили его остановиться. Желание покинуть Египет для Елены вовсе не было мимолетным капризом. Взять ее с собой означало в очередной раз подвергнуть опасности не только свою жизнь, но и жизнь Гора. Времени на размышление не было:

– Надо бежать из Айи, а потом думать, что делать дальше.

Мал и Гор сели верхом на коней, а Елену посадили на верблюда. Стоило им выехать за пределы постоянного двора, как их окружили всадники во главе с самим Салахом.

– Взять их! – приказал наместник.

Мал обнажил меч Рамзеса, и тот принял облик огромной кривой сабли. Держа под уздцы верблюда, он направил коня туда, где арабы еще не успели сомкнуть круг. Всадника, вставшего у него на пути, Мал одним ударом разрубил от головы до седла. Не останавливая движение меча, Мал зарубил второго оказавшегося поблизости араба. Еще одного воина из отряда Салаха убил Гор. Его дротик вонзился прямо в горло всаднику, разворачивающего коня наперерез Малу.

Вместе они проскочили в образовавшуюся брешь и понеслись прочь что было сил. Верблюд, на котором восседала Елена, проявил недюжинную прыть и почти без труда бежал наравне с лошадьми. Но оторваться от арабов они не могли. Если бы не извилистые улочки города Айя, воины шаха давно бы настигли их. Оставалось только удивляться, почему арабы не пытались расстрелять их из луков. Мал понимал, что им не уйти, но сдаваться он больше не собирался.

– Придется принимать бой, – подумал Мал.

Они приблизились к большому дому, окруженному высокими стенами. Ворота были распахнуты настежь. Мал, недолго думая, повернул коня.

– Пусть враг решит, что мы загоняем себя в мышеловку.

Стоило им въехать в ворота, как те захлопнулись. Их встретили люди в белых льняных одеждах. Мал окинул их взглядом и отметил, что те безоружны. За воротами раздался голос Салаха:

– Отворите, или я прикажу сжечь ваших идолов! Клянусь бородой аль-Азиза!

На стене показался высокий худощавый человек в такой же, как у всех белой одежде. Он оглядел преследователей Мала и громогласно произнес:

– Салах, я тебе обещал, что те, кого ты называешь идолами, однажды проявят себя. Так знай же, их время пришло. Твой бог перед ними бессилен. Спасай свою жизнь и жизнь своих людей, ибо грядет возмездие.

– Что ты мелешь, старик?! Выдай мне беглецов, и тогда я прощу твое скудоумие.

– Горе тому, кто посмеет прикоснуться к ним! Он будет проклят навечно!

– Как ты смеешь перечить мне, многобожник! Может быть, ты выжил из ума от поста и ночных бдений? Или ты хочешь умереть, жалкий старик!

Человек повернулся к Салаху спиной и не торопясь удалился. Стоило ему скрыться, как из дома на стену выскочили пятеро лучников. Каждый из них натянул тетиву и с ходу выпустил стрелу. За стеной раздались ржание лошадей, крики, проклятия, угрозы. Салах выкрикнул приказ об отступлении. Стрелки продолжали держать луки наготове, и не думая покидать стену. Среди них не было ни одного мужчины – дом защищали амазонки. Мал вложил меч в ножны и помог Елене спуститься с верблюда.

Из дома вышел человек, только что говоривший с Салахом со стены. Трое в белых одеждах тотчас окружили его. Просторное платье незнакомца из белой ткани, усеянной складками, ниспадало до самой земли. На запястьях сверкали золотые браслеты. Голову украшал длинный, густо завитый парик. Человек внимательно посмотрел на Мала. Принц угадал в нем слу-

жителя абидосского храма. У него была схожее одеяние и такое же ощущение собственной исключительности.

– Рад приветствовать тебя, Змеиный князь! – произнес жрец, обращаясь к Малу, и склонил голову, – мы ждали твоего появления.

Принц несколько не удивился тому, что в Аие нашлись люди, знающие его тайный титул, и то, что они встали на его защиту.

– Колесо твоей жизни катится по пути, что предначертан змеиными богами, – эта мысль прозвучала в уме Мала, но вовсе не принадлежала ему самому.

– Каким образом она всплыла в моей голове? – Мал закрыл глаза и затаил дыхание.

– Змей, я знаю, что ты сейчас говоришь со мной!

– Да, брат мой.

– Почему ты до сих пор молчал?

– Там, где живут смертные, я могу говорить с тобой только во снах.

– Но ведь сейчас ты говоришь со мной!

– Мы с тобой находимся во владении змеиных богов.

– Ты нужен мне, змей. Без твоей неуязвимости мне не достигнуть цели. Я признаю свой долг змеиному роду. Но скажи, насколько он велик? Что я могу отдать тебе взамен неуязвимости?

– Я хочу, чтобы ты явил мощь змеиных богов! Подними наши знамена и иди в Мемфис.

– И это все? – указание змея неожиданно совпало с намерением Мала.

– Нет, этого мало.

– Чего же еще ты хочешь?

Мал повторил слова, когда сказанные ему Анубисом, и понял, что пришло время прояснить истинные цели, что движут им самим и змеем. Теперь они могли говорить на равных.

– Я хочу, чтобы ты возродил Дома наших сородичей, – сказал змей.

– Что я должен делать, брат мой? – спросил Мал.

– Слушайся во всем жреца Сейт-Акха – одного из тех, что стоит перед тобой. Он поведет тебя к победе и славе.

Мал открыл глаза. Жрецы, не двигаясь с места, терпеливо ждали его.

– Кто из вас Сейт-Акх? – спросил Мал.

– Я – Сейт-Акх – первый из четырех слуг бога Амуна. Ты находишься в его храме, – сказал человек с золотыми браслетами, который прежде угрожал Салаху.

– Я пришел от имени змеиных богов, – сказал Мал.

Из дома вышли амазонки, молча поклонились и встали рядом с Еленой. Жрецы расступились. Сейт-Акх жестом пригласил Мала и Гора пройти в храм. Они вошли внутрь и спустились по лестнице в зал, пропитанный ароматами ладана и мирры. Здесь находилась статуя Амуна из дерева покрытого золотом. Бог с человеческим телом, головой змеи и бараньими рогами держал в правой руке скипетр, а в левой – анкх. Змеиную голову украшал солнечный диск и два продолговатых птичьих пера. Жрецы преклонили колени.

– Амун, первый из первых, создавший мир и сотворивший все живое, – взмолился Сейт-Акх. – Из очей твоих вышли люди, из уст твоих возникли боги. Я обращаюсь к тебе, небесный заступник и защитник отверженных, чтобы возвестить о Змеином князе, пришедшем исполнить свой долг. Его дух готов к тому, чтобы вести нас – преданных слуг твоих. Владыка лучей, освети наш путь! Явись к нам как всепроникающий южный ветер и покарай врагов твоих и царей-иноверцев.

Бог медленно наклонил голову, словно бы в знак благоволения. Жрецы поднялись с колен, взяли на руку статую и перенесли ее в другой зал. На полу, выложенном голубым и белым камнем, словно в морской воде с белой пеной стояла небольшая барка из кедра с бортами, украшенными драгоценными камнями и с веслами из красного дерева. По пра-

вую сторону кедровой барки стояла фигура священного гуся, а по левую – священной змеи, голова которой была увенчана рогами. Жрецы поставили статую бога Амун в барку и простерлись ниц:

– О, Амун открой нам начало пути, – торжественно произнес Сейт-Акх. – Твоя сущность – солнечный свет, плоть твоя – жизненное дыхание. Ты – небо, ты – земля, ты – воды и воздух между небом и землей.

Двое жрецов вышли в другой зал и вскоре вернулись с деревянными клетями в руках. В одной из них сидели шесть белых гусей, в другой – извивались шесть красных змей. Птиц жрецы выпустили возле фигуры гуся, а возле змей краснокожих гадин. Гуси один за другим, важно покачиваясь, вышли из клетки, не обращая внимания на расползающихся вокруг них шипящих змей.

– О, Амун, создатель богов, воздвигший небо и утвердивший землю, – говорил Сейт-Акх. – Ты изрек слово и воссуществовали боги, так сверши великое превращение ради престола и величия, пребывающих в изгнании первых богов этой земли, дабы мы могли узреть волю твою.

Жрецы принялись кормить гусей бобами с серебряного блюда, а змей – живыми мышами из бронзового таза. Сейт-Акх же продолжал плакать о несправедливо забытом боге и читать хвалебный гимн Амуну:

– Слава тебе, прекрасноликый Амун. Да возрадуются боги красоте твоей, да воздадут тебе хвалу, и ты явишься в сияющем блеске. Да признают боги в тебе повелителя, внушающего трепет могучей силой своей.

Чем больше гуси и змеи поедали корм, тем более мощными и грозными становились их тени. Когда за воротами послышался топот лошадиных копыт, тени гусей и змей отделились от земли, и тела животных тут же потеряли подвижность.

– Пора, – проговорил Сейт-Акх, окончив хвалебный гимн. – Амун благословил нас.

Жрецы и амазонки, шествуя друг за другом, покинули храм. За ними последовали Мал и Гор. Тени змей и гусей тронулись с места и выскользнули из храма сквозь стены. Лошади испуганно заржали, а верблюд опасно отступил в сторону. Призрачные гусиные тела надвинулись на мужчин, а змеиные на женщин, и люди оказались внутри теней священных животных. За оградой раздался громкий голос Салаха:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.